

В Е С Т Н И К
ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА

Научный журнал. Основан в 1913 г. Издание возобновлено в 2006 г.

№ 1
2019
Том 19

К.В. НАМ

ПРИНЦИП
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ.
СИСТЕМА
И БЕССИСТЕМНОСТЬ

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ. СИСТЕМА И БЕССИСТЕМНОСТЬ

К.В. НАМ,

кандидат юридических наук, LL.M.,
партнер юридической фирмы Lex Consilium.

DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-1-28-74

Российское право, следуя современным правовым тенденциям, восприняло не только сам принцип добросовестности, но и многие правовые институты, на нем основанные. Содержащиеся в ГК РФ нормы в целом отражают сложившуюся в зарубежной и международной доктрине систему принципа добросовестности. Однако одного лишь формального закрепления соответствующих норм в тексте закона явно недостаточно, тем более что сами формулировки норм зачастую оказываются не совсем удачными. Нормы и правила, основанные на принципе добросовестности, продолжают оставаться его частью и должны рассматриваться в его контексте и его системе. Исходя из сути, содержания и системы принципа добросовестности данные нормы и следует понимать, толковать, наполнять содержанием и применять. Проведенный в статье анализ правовых норм, доктрины и судебной практики показывает проблемы, связанные с неправильным, по мнению автора, пониманием как самого принципа добросовестности, так и правовых институтов и правил, из него выведенных. Выявленные проблемы связаны с тем, что анализируемые институты и правила рассматриваются в российском гражданском праве вне системы принципа добросовестности. Для решения указанных проблем, а также для недопущения их возникновения в будущем предлагаются подходы, основанные на рассмотрении соответствующих правовых институтов в системе принципа добросовестности.

Ключевые слова: гражданское право; система принципа добросовестности; функции принципа добросовестности.

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH.
SYSTEM AND NONSYSTEM

K.V. NAM,

Ph.D. in Law, LL.M, Partner in Law Firm Lex Consilium

Russian law, following the current legal trends, has embraced not only the principle of good faith, but also many of the legal institutions based on it. The norms contained in the Civil Code of the Russian Federation in general reflect the system of the principle of good faith prevailing in foreign and international doctrine. However, merely formalizing the relevant norms in the text of the law is clearly not enough, especially since the very formulations of the norms often turn out to be not entirely successful. Norms and rules based on the principle of good faith continue to be part of it and should be considered in its context and its system. Based on the nature, content and system of the principle of good faith, these norms should be understood, interpreted, filled with content and applied. The analysis of legal norms, doctrine and judicial practice conducted in the article shows the problems associated with the incorrect, in the opinion of the author, understanding of both the principle of good faith and the legal institutions and rules derived from it. The problems identified are related to the fact that the analyzed institutions and rules are considered in Russian civil law outside the system of the principle of good faith. To solve these problems, as well as to prevent them from occurring in the future, approaches are proposed based on consideration of relevant legal institutions in the system of the principle of good faith.

Keywords: civil law; system of the principle of good faith; functions of the principle of good faith.

1. ВВЕДЕНИЕ

К концу прошлого столетия во многих европейских правовых системах сложилось достаточно четкое понимание сути и содержания принципа добросовестности. Считается, что ему подчинена вся правовая жизнь. Он имеет значение не только в обязательственном праве, но и везде, где существует особая связь между двумя и более лицами, например в других областях гражданского права, таких как вещное или семейное право, а также в публичном праве, в процессуальном праве¹.

¹ См.: Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7. С. 83–114.

Принцип добросовестности не является по своему значению и содержанию идентичным категории справедливости, хотя и очень близок к ней как никакой другой этико-правовой принцип¹. Подчеркивалось, что значение принципа добросовестности понималось бы неправильно, если в нем видеть только норму о справедливости, которая бы давала судье право достигать результата, субъективно им воспринимаемого как справедливого, при этом не считаясь с определенными законодательством целями и ценностями². Если бы судья действовал таким образом, то он бы нарушал один из основных конституционных принципов, в соответствии с которым он связан законом и правом. Кроме того, при таком подходе не могла бы гарантироваться правовая определенность. Таким образом, решение в соответствии с принципом добросовестности не есть решение, основанное на субъективном чувстве справедливости, на чувстве справедливости конкретного судьи. Что принцип добросовестности предписывает и что запрещает, не может основываться на субъективном взгляде и опыте конкретного судьи. Это должно определяться реальными, одобряемыми в социальной действительности масштабами нормального корректного поведения, которые могут служить для соответствующего лица образцом его поведения, его действий. Там, где такие социальные нормы установить не удастся, судья также не свободен в своем усмотрении, а должен ориентироваться на общепринятые в текущий период времени представления о ценностях. Если же и такие представления недостаточно оформлены, то ему следует исходить из того, какими бы следовало быть общепринятым представлениям³.

Иными словами, принцип добросовестности призван обеспечивать в процессе правоприменения справедливость, но не справедливость, субъективно понимаемую конкретным лицом и конкретным судьей, а справедливость, как бы «предписываемую» законом, правом и общепринятыми в обществе и поддерживаемыми правом ценностями, справедливость, представляющую собой содержание духа закона.

Принцип добросовестности не содержит готовых ответов на вопросы о том, что в конкретных обстоятельствах ему соответствует. В процессе правоприменения необходима его конкретизация для каждого отдельного случая. Отправной точкой может служить, например, оценка интересов сторон, нашедшая отражение в других нормах. Подлежат учету правовая материя, содержащаяся в конституции, а также обычаи делового оборота, в первую очередь имеющие значение для правоотношений среди предпринимателей⁴. В литературе указывалось, что задачей принципа добросовестности является обеспечение правового регу-

¹ Gernhuber J. § 242 BGB – Funktionen und Tatbestände // JuS. 1983. S. 764.

² Brox H. Allgemeines Schuldrecht. 25. Aufl. C.H. Beck, 1998. § 6, Rn. 74.

³ Gernhuber J. Op. cit. S. 764.

⁴ Brox H. Op. cit. § 6, Rn. 77.

лирования отношений таким образом, чтобы в итоге достигался результат, который подразумевается и преследуется действующим правом¹. Если при определении того, чего требует принцип добросовестности в конкретном деле, будут учтены вышеуказанные моменты, можно избежать произвола и неправомерности при принятии решения.

Непосредственно при применении принципа добросовестности всегда надлежит давать подробное обоснование того, по каким критериям были взвешены интересы сторон спора и почему было принято именно такое решение, каким образом общий принцип был реализован в конкретных обстоятельствах. Должно быть обосновано, почему и каким образом правомерность конкретного решения соответствует целям принципа добросовестности². Принцип добросовестности не является обычной правовой нормой, предусмотренной для регулирования определенного отношения или определенной группы отношений. Его применение всегда связано с корректировкой обычных применяемых норм, с вмешательством судьи в обычное правовое регулирование. Поэтому решение судьи, основанное на принципе добросовестности, требует дополнительного аргументированного обоснования. Простой ссылки на принцип добросовестности недостаточно.

Анализ более чем столетнего периода интенсивного развития принципа добросовестности в судебной практике и доктрине, а также имеющегося обобщения результатов такого развития позволяет определить достаточно четкую внутреннюю содержательную систематику принципа добросовестности³. Раскрывается она через специально-юридические функции (конкретизирующая функция, дополняющая функция, ограничительная функция и корректирующая функция), которые направлены непосредственно на регулирование общественных отношений. Внутренняя систематика служит для облегчения практической работы с данной материей и в первую очередь помогает правильно применять принцип добросовестности и основанные на нем правовые нормы в конкретных отношениях. Функциональные области применения, являясь как бы отправной точкой, помогают сориентироваться в правильном направлении и направляют к той или иной группе однородных, схожих правоотношений, требующих вмешательства принципа добросовестности. Исходя из подходов, применимых к той или иной группе, можно легче разобраться уже в конкретной ситуации, найти обоснованное решение для конкретного спора.

В общей части ГК РФ содержится достаточно много норм, так или иначе связанных с принципом добросовестности. В каких-то он прямо упоминает-

¹ *Medicus D.* Schuldrecht I: Allgemeiner Teil. 12. Aufl. C.H. Beck, 2000. § 16, Rn. 132; *Wieacker F.* Zur rechtstheoretischen Präzisierung des § 242 BGB. Mohr Siebeck, 1956. S. 22.

² *Larenz K.* Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I: Allgemeiner Teil. 14. Aufl. C.H. Beck, 1987. § 10, S. 126–127.

³ *Нам К.В.* Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика. С. 90–93.

ся, в каких-то нет, но тем не менее сами эти нормы являются материализацией, конкретизацией принципа добросовестности (п. 3, 4 ст. 1, п. 2 ст. 6, ст. 10, п. 2, 3 ст. 53, п. 4 ст. 62, п. 3 ст. 157, п. 2, 5 ст. 166, п. 2 ст. 179, ст. 220, п. 3 ст. 307, ст. 431.1, п. 3 ст. 432, ст. 434.1, п. 4 ст. 450, п. 4 ст. 450.1, ст. 451 ГК РФ).

Для более правильного уяснения содержания норм ГК, связанных с принципом добросовестности, важно рассмотрение их в общей системе принципа через его функции.

2. СИСТЕМА ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

2.1. Принцип добросовестности как генеральная оговорка

Общими нормами ГК РФ, как бы провозглашающими, легитимирующими принцип добросовестности в гражданском праве, являются п. 3 и 4 ст. 1, п. 3 ст. 307, а также п. 2 ст. 6 ГК РФ. Основной правовой идеей и одновременно правилом, заложенными в данные нормы, является то, что весь гражданско-правовой оборот должен соответствовать принципу добросовестности. Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Аналогичная формулировка, но уже применительно к обязательствам закреплена в п. 3 ст. 307 ГК: «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно...». С точки зрения закрепления принципа добросовестности как общего правила, общей генеральной оговорки данная норма ст. 307 повторяет п. 3 ст. 1 ГК РФ. И в этом смысле ничего нового она не добавляет. Аналогичным образом повторяет тот же подход и п. 2 ст. 6 ГК. При определении прав и обязанностей, в том числе их содержания, в процессе восполнения пробелов в законе, в праве должен учитываться принцип добросовестности. Права и обязанности должны определяться исходя из принципа добросовестности, т.е. должны ему соответствовать. Собственно, то же самое вытекает и из п. 3 ст. 1 ГК РФ.

Важной является норма п. 4 ст. 1 ГК РФ, согласно которой никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. С незаконным поведением более или менее понятно. А что касается недобросовестного поведения, то здесь законодатель продолжает говорить об общем правиле соблюдения в гражданско-правовом обороте принципа добросовестности, а именно указывает на те последствия, которые могут возникнуть, если в тех или иных ситуациях данный принцип не будет соблюден. Если при осуществлении права или исполнении обязанности будет установлено отклонение фактической правовой ситуации от той, какой ей следовало быть с учетом принципа добросовестности, то такая ситуация может быть скорректирована. То или иное лицо может быть ограничено в праве в пользу другого лица. В контексте указанного понимания данной нормы следует очень осторожно толковать и обходить-

ся с нормой п. 1 ст. 10 ГК РФ, где сказано, что не допускается только заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Статья 10 ГК ни в ком случае не должна приводить к ограничительному толкованию п. 4 ст. 1 Кодекса, так как принцип добросовестности не ограничивается неодобрением только умышленных действий и не является наказанием, где должна учитываться вина.

2.2. Конкретизирующая функция

К области данной функции относится регулирование уже имеющихся, возникших прав и обязанностей. Само содержание прав и обязанностей как недобросовестное здесь не рассматривается, речь идет о том, как, каким образом реализуются права и выполняются обязанности. Осуществление прав и исполнение обязанностей должно отвечать критериям добросовестности.

Об этом говорит как п. 3 ст. 1, так и п. 3 ст. 307 ГК РФ. Но в плане формулировки более информативен п. 3 ст. 307 ГК, так как в нем во взаимосвязи с принципом добросовестности прямо говорится о необходимости учитывать права и законные интересы друг друга.

Когда, где и как стороны должны исполнить обязательство, т.е. условия и порядок его исполнения, определяется прежде всего в соответствии с договором или следует из законодательных норм. Оттуда же вытекают и санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение. Однако в определенных случаях в вопросе надлежащего исполнения основных обязанностей может вмешиваться принцип добросовестности¹.

К области применения конкретизирующей функции относятся вопросы о том, каким образом и каким способом должны исполняться обязанности добросовестного должника. Так, при исполнении своих обязанностей должник должен учитывать обоснованные интересы кредитора. Например, если точное время исполнения не определено и иное не вытекает из практики взаимоотношений сторон, то должник не вправе производить исполнение в неудобное для кредитора время, например во внерабочее время, ночью или в выходные и праздничные дни, если такое исполнение может являться для кредитора необоснованно обременительным.

Аналогичным образом может конкретизироваться и порядок осуществления права кредитором. Например, если должник обязан произвести исполнение в месте и время, которые оговорены в договоре, но такое исполнение является для должника неприемлемо обременительным, то кредитор не вправе настаивать на точном исполнении. Посредством принципа добросовестности должно быть определено, какие место и время являются приемлемыми для должника. Но при этом конкретизация должна производиться таким образом, чтобы соблю-

¹ Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика. С. 93.

дались и учитывались также права и интересы кредитора, чтобы в итоге был соблюден баланс интересов.

Конкретизация в соответствии с принципом добросовестности может касаться не только основных прав и обязанностей, составляющих предмет правоотношения, но и любых иных прав и обязанностей, связанных или вытекающих из правоотношения сторон.

Указание на обязанность учета прав и интересов друг друга является одним из основных правил принципа добросовестности. Прямое указание в п. 3 ст. 307 ГК РФ на данную обязанность не говорит о том, что она имеет место только в обязательственных отношениях. В силу общей генеральной оговорки п. 3 ст. 1 ГК РФ такая же обязанность присутствует у лиц при осуществлении ими прав и исполнении обязанностей и в других областях права.

2.3. Дополняющая функция

В этой функции принцип добросовестности применяется тогда, когда из него вытекает наличие у сторон правоотношения определенных обязанностей, прямо не указанных в условиях договора или нормах закона.

Отношения сторон в рамках существующего основного правоотношения, а также в связи с возможным его возникновением или в связи с его окончанием имеют определенную или определяемую с точки зрения права и совокупности прав и интересов сторон цель. Достижение такой цели не всегда может обеспечиваться только исполнением основных обязанностей, составляющих предмет обязательства. Само поведение сторон должно соответствовать данной цели, а не противоречить ей. В содержание такого поведения входит и необходимость учета прав и интересов другой стороны, так как стороны, желая достижения определенной цели, как явным, так и подразумеваемым образом исходят из того, что их права и интересы не будут нарушены. Обеспечение должного правильного поведения достигается через обоснование дополнительных обязанностей, призванных обеспечить поведение, действия сторон определенным образом с учетом прав и интересов друг друга, в целях достижения соответствующей цели правоотношения. Достижение такой цели не всегда возможно только путем формально точного соблюдения условий договора или норм закона об осуществлении и исполнении основных прав и обязанностей. Поведение сторон, их действия вне рамок основных прав и обязанностей также должны соответствовать той правовой цели, на достижение которой направлены эти основные права и обязанности. Такое правильное с точки зрения права поведение обеспечивается посредством обоснования наличия дополнительных обязанностей, которые правом же и легитимируются. Принцип добросовестности здесь как бы расширяет содержание обязательства путем обоснования наличия иных обязанностей помимо основных¹.

¹ Teichmann A. in: Soergel Kommentar zum BGB. Bd. 2/1. Schuldrecht I/1 (§ 241–432). 11. Aufl. Kohlhammer, 1986. § 242, Rn. 132.

Дополнительные обязанности могут быть самыми разными, например обязанности по извещению, разъяснению, консультированию, информированию, предоставлению отчета, а также по заботе, охране в отношении имущества, учету прав и интересов другой стороны, обязанности по содействию другой стороне, о воздержании от определенных действий и т.п. Такие обязанности могут возникать до появления основного обязательства, могут иметься во время исполнения основного обязательства, а также существовать уже после основного обязательства. Общим для всех такого рода обязанностей выступает то, что они не являются основными обязанностями, а призваны лишь их дополнять, поэтому характеризовать их следует как дополнительные. В ситуации, когда основное обязательство еще не возникло, формально такие обязанности называть дополнительными, наверное, было бы не совсем корректно. Но, с другой стороны, суть преддоговорных взаимоотношений сторон заключается именно в возможном установлении между ними такого основного обязательства. И квазидополнительность обязанностей в преддоговорных отношениях все равно связана с возможным и желаемым в будущем обязательством. При этом такие обязанности не являются самостоятельным предметом преддоговорных отношений и самоцелью для сторон.

В ГК РФ нормами, легитимирующими наличие тех или иных дополнительных обязанностей в конкретном правоотношении, являются п. 3 ст. 1 как общая оговорка, а также более конкретные п. 3 ст. 307 и ст. 434.1.

Пункт 3 ст. 1 ГК как общая оговорка действует здесь через то же правило, что и при конкретизирующей функции, а именно через необходимость учета прав и интересов другого лица в контексте существующих между сторонами отношений или по поводу желаемых будущих отношений. Об этом же говорится и в п. 3 ст. 307 ГК РФ. Необходимость учета прав и интересов обуславливает наличие тех или иных дополнительных обязанностей в конкретной ситуации. В продолжение правовых мыслей, заложенных в п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 307 ГК, следует сказать и о ст. 434.1 Кодекса. Данная статья посвящена преддоговорной ответственности. И ответственность предусматривается за нарушение как раз обязанностей, которые стороны несут на преддоговорной стадии, когда еще нет основного обязательства. Обязанности на данной стадии определяются в зависимости от конкретной ситуации и должны быть направлены как на достижение цели, т.е. заключение договора, так и на охрану прав и интересов каждой из сторон в преддоговорный период. В силу ст. 434.1 ГК РФ стороны несут не только те обязанности, которые упоминаются в данной статье. Они должны действовать добросовестно, что означает наличие обязанностей по учету прав и интересов друг друга. Это вытекает не только из ст. 434.1, но и в первую очередь из п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 307 ГК.

2.4. Ограничительная функция

Если осуществление того или иного субъективного права формально соответствует имеющемуся законодательному регулированию, но при этом противоре-

чит принципу добросовестности, то оно подлежит ограничению. Право с точки зрения признаваемых им и поддерживаемых в обществе ценностей при регулировании конкретного правоотношения подразумевает, что урегулировано оно должно быть определенным образом, должен быть достигнут определенный результат, соблюден разумный баланс интересов сторон и т.п. Бывает, что формальное использование правовых норм и формальное соответствие осуществляемого субъективного права таким нормам не соответствует тем целям, которые право подразумеваемым образом преследовало при соответствующем правовом регулировании. В подобных случаях осуществление субъективных прав должно быть ограничено до пределов их соответствия принципу добросовестности. Вытекающая из принципа добросовестности обязанность учета прав и интересов другой стороны здесь также является определенным масштабом для правового регулирования, в том числе для ограничения субъективных прав. Общими основополагающими отправными точками служат нормы п. 3, 4 ст. 1 и п. 3 ст. 307 ГК РФ. В целях соблюдения принципа добросовестности необходимо учитывать права и интересы другой стороны, в противном случае твое право может быть ограничено, так как никто не вправе извлекать преимущество из недобросовестного поведения. Ограничительная функция принципа добросовестности идет дальше традиционных правовых институтов, ограничивающих субъективное право, таких как запрет шиканы или недопустимость умышленного причинения вреда¹. При ограничении права в силу принципа добросовестности вина во многих случаях не является необходимой предпосылкой. Сфера применения принципа не ограничивается только случаями заведомого недобросовестного поведения, она является более широкой и должна учитывать все случаи «атипичного» соотношения интересов сторон. В этом плане закрепленное в ст. 10 ГК РФ определение злоупотребления правом лишь как заведомого недобросовестного поведения представляется неверным. Недобросовестное поведение не допускается в силу п. 3, 4 ст. 1 и п. 3 ст. 307 ГК РФ. При этом ограничение субъективного права в силу принципа добросовестности не является ответственностью, а имеет задачу скорректировать не соответствующее духу права, его целям формально-правовое регулирование. Поэтому умысел или вина не являются необходимым условием для ограничения субъективного права лица. Исходя из этого следует различать злоупотребление правом в широком смысле или в силу принципа добросовестности (злоупотребление правом) и злоупотребление правом по ст. 10 ГК РФ.

2.4.1. Институциональные злоупотребления

Субъективные права не могут рассматриваться сами по себе, отдельно от материи того правового регулирования, из которого они вытекают. Содержание субъективного права, объем полномочий лица определяются исходя из смысла, из

¹ Esser J., Schmidt E. Schuldrecht. Bd. I: Allgemeiner Teil. 5. Aufl. C.F. Müller, 1975. § 5, S. 46.

той схемы поведения, которая признается общественным порядком и выражается в соответствующих правовых нормах¹. С учетом этого в литературе выделяют так называемые институциональные злоупотребления, под которыми понимается осуществление субъективного права в противоречии с его социальным назначением². Каждое полномочие имеет с точки зрения целей правового регулирования социальных отношений определенные задачи. Смысл и цель правового регулирования являются теми масштабами, на соответствие которым должно проверяться субъективное право. Подлежит выяснению, не противоречит ли оно тому смыслу и той цели, которые в данной ситуации можно вывести из соответствующего правового регулирования.

Так, недопустимым является любое осуществление права, которое представляет собой несоразмерную реакцию на какое-то формальное нарушение со стороны должника. Частичное исполнение не может быть отклонено, если речь идет о несущественности неисполненной части и это не нарушает прав и интересов кредитора или соотношение прав и интересов должника и кредитора при отклонении такого частичного исполнения будет представлять существенную диспропорцию не в пользу должника. Аналогичным образом может быть признан недопустимым отказ кредитора от договора в случае незначительной просрочки должника, когда такое нарушение с учетом всех обстоятельств не является существенным для кредитора³. В случае, когда проданная вещь имела недостаток, который продавец устранил еще до отказа покупателя от договора, и при этом покупатель не претерпел каких-то негативных последствий, которые давали бы ему право на отказ, он не может использовать формально имеющееся у него право отказать от договора⁴. Такое ограничение основывается на факте непропорциональной, несоразмерной реакции. В ГК РФ помимо общих норм п. 3, 4 ст. 1 и п. 3 ст. 307 институциональным злоупотреблениям посвящены, в частности, специальные нормы ст. 450 и 450.1. Согласно п. 4 ст. 450 ГК сторона, имеющая формальное право на одностороннее изменение договора, должна при осуществлении этого права действовать добросовестно. Это означает, что при установлении недобросовестного осуществления права на расторжение договора это право может быть ограничено. Данная норма должна охватывать, в частности, случаи расторжения договора, которые в конкретном случае будут представлять собой существенно непропорциональную реакцию на допущенное другой стороной нарушение или же когда последствия от нарушения договора будут в конкретном деле несущественны для управомоченной на расторжение договора стороны,

¹ Esser J., Schmidt E. Op. cit. § 5, S. 46.

² Gernhuber J. Op. cit. S. 766.

³ Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I: Allgemeiner Teil. § 10, S. 132.

⁴ BGH Urt. v. 22.02.1984, Az.: VIII ZR 316/82 // NJW. 1984. S. 2287.

но в то же время расторжение договора повлечет значительные потери для нарушившей стороны. Аналогичное правило содержится и в п. 4 ст. 450.1 ГК РФ.

Наличие указанных специальных норм для расторжения договора не означает, что в других правоотношениях или в других ситуациях, где отсутствуют подобные специальные нормы, допустимо в любых границах осуществление формально имеющегося субъективного права. Как уже было сказано, в силу общих норм ст. 1 и 307 ГК РФ субъективное право может быть ограничено и без наличия специальных норм.

2.4.2. Индивидуальные злоупотребления

Под индивидуальным злоупотреблением следует понимать ситуации, когда осуществление лицом своего права противоречит принципу добросовестности в силу самого факта использования лицом формально принадлежащего ему права. Основанием для ограничения права здесь является не столько несоответствие его целям и смыслу, вытекающим из правовых норм, сколько поведение управомоченного лица. Наглядным примером здесь могут служить нормы п. 3 ст. 157 ГК РФ. В условных сделках если наступлению условия недобросовестно содействовала заинтересованная сторона или она же недобросовестно препятствовала наступлению условия, которое ей было невыгодно, то ее право подлежит ограничению. В силу фикции закона соответствующее условие считается ненаступившим или соответственно наступившим.

Каждая сторона должна учитывать права и интересы другой стороны. При этом само по себе осуществление принадлежащего лицу права не может нарушать права и интересы другой стороны. Но когда, например, недобросовестное лицо предыдущим своим поведением дало основание другой стороне полагать, что их отношения сложились определенным образом, исключающим или не дающим основания для использования недобросовестным лицом формально принадлежащего ему права, то последующее осуществление такого права может при наличии определенных обстоятельств противоречить принципу добросовестности.

Само по себе противоречивое, непоследовательное поведение правом не запрещается. Стороны правоотношения свободны и не лишены права менять свои взгляды на правовое положение¹, в том числе ссылаться на ничтожность своего волеизъявления². Но ситуация может выглядеть по-иному, если посредством предшествующего поведения лицо дало основание другой стороне полагаться на такое поведение или же имеются особые обстоятельства, при которых последующее осуществление права, противоречащее предыдущему поведению, будет являться неприемлемым для другой стороны и тем самым противоречить принципу добросовестности. В таких случаях речь идет о недопустимом осуществлении права, так

¹ BGH Urt. v. 09.05.1960 Az.: III ZR 32/59 // NJW. 1960. S. 1522.

² BGH Urt. v. 07.04.1983, Az.: IX ZR 24/82 // NJW. 1983. S. 2073.

как противоречивое поведение будет представлять собой злоупотребление правом. Защита доверия является ключевым аспектом в конструкции противоречивого поведения¹. Тот, кто своим поведением вызвал обоснованное доверие другой стороны, должен учитывать такое положение вещей. Защита доверия в подобных ситуациях вытекает из правила о необходимости учета прав и интересов другой стороны. При этом вины недобросовестного лица в его противоречивом поведении не требуется. Если другая сторона доверилась первоначальному поведению первого лица, то оно обязано учитывать (соблюдать) права и интересы другой стороны. При этом ее собственные права отходят в такой ситуации на второй план².

Помимо базового правила принципа добросовестности (п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ) о необходимости учета сторонами прав и интересов друг друга, которое служит легитимирующей основой для ограничения тех прав, которые противоречат этому правилу, при так называемом противоречивом поведении, российский законодатель решил внести в ГК достаточно большое количество отдельных специальных норм, посвященных данным правовым вопросам. Так, в ст. 166 ГК указывается на возможность при противоречивом поведении ограничения права оспаривать сделку (п. 2) и ограничивать право ссылаться на недействительность сделки (п. 5). Аналогичная норма применительно к договорам содержится в п. 2 ст. 431.1 ГК РФ. Схожее правило предусмотрено на случай противоречивого поведения при рассмотрении вопросов о незаключенности договора (п. 3 ст. 432 ГК). В ст. 450.1 ГК РФ говорится о возможности ограничения права в случае противоречивого поведения при отказе от договора (п. 5) и отказе от права (п. 6).

Правильность решения законодателя о принятии такого количества специальных норм из серии «эстоппель» вызывает вопросы. Например, в немецком праве теория «эстоппелей» не материализована в специальных нормах, а содержится в доктрине и судебной практике, основой которых является общий принцип добросовестности (§ 242 ГГУ). Как известно, количество не означает качество. К содержанию указанных специальных норм российского ГК, а также к развивающейся на их основе судебной практике имеется большое количество вопросов.

2.5. Корректирующая функция

Жизнь многообразна и зачастую непредсказуема. В силу изменения обстоятельств в существующих правоотношениях исполнение обязанности должником может быть ограничено, обязанность может быть изменена или должник вообще может быть освобожден от исполнения обязанности. Общим основанием для таких изменений является ситуация, когда исполнение обязанности в принципе

¹ Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I: Allgemeiner Teil. § 10, S. 133.

² Looschelders D., Olzen D. in: J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Buch 2: Recht der Schuldverhältnisse. Einleitung zum Schuldrecht § 241–243. Sellier – de Gruyter, 2015. § 242, Rn. 288.

или в неизменном виде является для должника неприемлемым. Понятие неприемлемости вытекает из принципа добросовестности и тесно связано все с тем же посылом о необходимости учета прав и интересов другой стороны. Первоначально предусмотренное обязательство стороны может стать для нее неприемлемым. Требование исполнения обязательства должником в таком случае может противоречить принципу добросовестности. Если, с одной стороны, принцип добросовестности может обосновывать наличие дополнительных обязанностей, то, с другой стороны, возможны и изменение, ограничение или отмена обязанностей.

Необходимость изменения или прекращения правоотношения может обосновываться в силу принципа добросовестности нарушением правила о пропорциональности интересов сторон¹. В ситуациях, когда у кредитора имеется охраняемый правом интерес, его право может быть ограничено, если значительно большей защиты требуют интересы должника. Сюда могут относиться самые разные ситуации, например, когда исполнение обязанности для должника становится неприемлемым или невозможным в силу его личных субъективных причин. Или в праве кредитора может быть отказано, если для должника исполнение связано с непомерно большими затратами, а интерес кредитора в исполнении, напротив, не так высок и в результате между затратами и усилиями должника и интересом кредитора имеется существенная диспропорция².

Корректирующая функция принципа добросовестности призвана не допустить такого дисбаланса и защитить интересы должника путем корректировки возникшего существенного дисбаланса. При этом осуществляется это путем ограничения права кредитора. Здесь можно увидеть параллель с ограничительной функцией принципа. Но, по существу, отличие заключается в том, что причина для такого ограничения лежит не на стороне управомоченного лица, а на стороне обязанного лица. Как следствие, кредитору здесь нельзя в чистом виде вменить злоупотребление правом, недобросовестное поведение. Он вынужден мириться с ограничением своего права в связи с необходимостью охраны и защиты прав и интересов должника, так как соблюдение его интереса в исполнении обязательства должно отступить перед необходимостью защиты должника. Такая необходимость возникает тогда, когда в силу определенных обстоятельств исполнение для должника становится неприемлемым. Вмешательство принципа добросовестности в общее правило «*pacta sunt servanda*» призвано смягчить или устранить неприемлемые для должника обстоятельства³.

Факт неприемлемости исполнения обязательства, требующий вмешательства и корректировки, можно определить лишь в конкретной ситуации. Но в каче-

¹ Canaris C.-W. Verstöße gegen das verfassungsrechtliche Übermaßverbot im Recht der Geschäftsfähigkeit und im Schadensersatzrecht // JZ. 1987. S. 1002.

² Looschelders D., Olzen D. Op. cit. § 242, Rn. 269.

³ Gernhuber J. Op. cit. S. 767.

стве отправных пунктов могут служить два подхода. Во-первых, неприемлемость имеет место тогда, когда исполнение обязанности должником теоретически возможно, но с точки зрения порядочного и разумного человека является невыполнимым в данной конкретной ситуации. Например, нельзя требовать от певца запланированного выступления на концерте, если кто-то из его семьи тяжело болен и лежит при смерти. Здесь невыполнимость исполнения обязательства лежит ближе к буквальному пониманию «неприемлемости». Во-вторых, неприемлемым обязательство может стать для должника в том случае, когда изменение внешних обстоятельств настолько сильно повлияло на содержание обязательства, что оно само по себе, даже с учетом всех подразумеваемых рисков, стало иным для должника, не отвечающим его интересам и той воле, которую он имел при вступлении в обязательство. Здесь речь о случаях так называемого изменения или отпадения основания сделки.

Таким образом, понятие неприемлемости в смысле принципа добросовестности имеет два основных значения. В первом случае речь идет о неприемлемости исполнения обязательства как минимум на изначальных условиях в силу личных, субъективных причин на стороне должника. В немецком праве такие случаи регулируются нормами о невозможности исполнения, выведенными из принципа добросовестности. В российском праве отсутствует подобное специальное регулирование, поэтому такие вопросы могут разрешаться на основании общих подходов принципа добросовестности исходя из п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 307 ГК РФ.

Второе, более распространенное, направление корректирующей функции – это теория о существенном изменении обстоятельств или отпадении основания сделки, нашедшая место в российском законодательстве в ст. 451 ГК. Считается, что разработанные в рамках данного учения формулировки и правовые подходы не ограничиваются лишь случаями периодов кризисных потрясений, а получили общее значение и для всего правового оборота в целом¹. Суть этой теории заключается в том, что последующее отпадение определенных обстоятельств, которые имели основополагающее значение для заключения или исполнения договора и которые не стали содержанием договора, должно позволять адаптировать, приспособливать договор к таким измененным обстоятельствам, а если это невозможно, то расторгать договор.

В силу правового подхода, заложенного в ст. 451 ГК РФ, существенное изменение обстоятельств имеет место, когда с помощью толкования волеизъявления сторон можно прийти к выводу, что если такое изменение обстоятельств стороны могли предвидеть до заключения договора, то договор бы заключен не был или был бы заключен с иным содержанием. Условием применения последствий изменения или отпадения основания сделки является неприемлемость сохра-

¹ Larenz K. Geschäftsgrundlage und Vertragserfüllung. Die Bedeutung «veränderter Umstände» im Zivilrecht. 3. Aufl. C.H. Beck, 1963. S. 3.

нения для «пострадавшей» стороны договора в неизменном виде или вообще сохранение договора. Такая неприемлемость должна определяться с учетом всех обстоятельств дела, в том числе с учетом договорного или законом определяемого распределения рисков между сторонами. Изменение обстоятельств может приводить не только к существенному затруднению исполнения должником своих обязательств, когда удовлетворение требования кредитора является неприемлемым для должника, но и к просто чрезвычайно большому дисбалансу интересов сторон, что также может лежать за рамками риска «пострадавшей» стороны и являться неприемлемым с точки зрения принципа добросовестности. Кроме того, изменение обстоятельств может приводить к такой ситуации, когда само по себе исполнение должника является возможным и даже не столь обременительным для него, но в силу изменившихся обстоятельств не может быть достигнута цель договора, ради которой он и был заключен. В таких случаях исполнение обязательства должника становится как бы бессмысленным, беспредметным. В подобных случаях принцип добросовестности с его правилом о необходимости учета прав и интересов друг друга не позволяет кредитору настаивать на своем формальном праве.

В качестве последствий в случаях, когда та или иная сторона может обоснованно ссылаться на отсутствие или отпадение основания сделки, условия договора могут быть скорректированы с учетом прав и интересов обеих сторон и в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Если же такая корректировка, адаптация к новым условиям невозможна, то заинтересованная сторона может отказаться от договора.

Таким образом, в ГК РФ содержатся нормы, которые в целом отражают сложившуюся в зарубежной и международной доктрине систему принципа добросовестности. Исходя из этой системы данные нормы и следует понимать, толковать, наполнять содержанием и применять. Однако, как будет показано ниже, с системным подходом к таким нормам в российском праве есть определенные проблемы. Следует также еще раз подчеркнуть, что упомянутыми нормами российского ГК система принципа добросовестности не ограничивается. Сама материя принципа значительно шире и об этом нельзя забывать. Здесь, конечно, большое значение должна играть доктрина. В немецком праве, например, до недавнего времени, а именно до реформы 2002 г., система принципа добросовестности со всеми современными правовыми институтами, правилами, подходами формально основывалась по сути на одной единственной норме § 242 ГГУ. Фактически же базой служили и служат развитая доктрина и обширная судебная практика.

3. ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С НЕСИСТЕМНЫМ ПОДХОДОМ К ПРИНЦИПУ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Наличие системы обуславливает необходимость использовать системный подход, рассматривать то или иное правило в общей системе принципа добросовестности. Это приобретает особенно большое значение, когда та или иная норма имеет неудачную формулировку с точки зрения ее задач и места в общей системе.

3.1. Проблемы с определением недобросовестного поведения и злоупотребления правом

Основную проблему здесь составляет формулировка п. 1 ст. 10 ГК РФ о том, что не допускается *заведомо* недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Заведомо недобросовестное осуществление прав означает наличие умысла. Иначе говоря, там, где можно установить наличие умысла, в том числе косвенного, в силу дословной формулировки ст. 10 ГК недобросовестное осуществление прав не допускается и недобросовестное лицо может быть ограничено в праве. Но там, где умысел установить невозможно, где его нет, согласно формулировке п. 1 ст. 10 ГК такое неумышленное недобросовестное поведение законом допускается и право недобросовестного лица не может быть ограничено. Но такой подход, вытекающий из буквальной формулировки п. 1 ст. 10 ГК, прямо противоречит сути принципа добросовестности в его доктринальном понимании, а также нормам п. 3, 4 ст. 1 ГК. Согласно данным нормам и сути принципа добросовестности ограничению или корректировке субъективное право подлежит тогда, когда оно в конкретной ситуации не соответствует духу права, целям правового регулирования. В этом смысле недобросовестное поведение шире, чем только умышленное поведение. Значение и функции принципа добросовестности заключаются в приведении формального субъективного права в соответствие с целями правового регулирования, приведении буквы закона в соответствие с его духом. С этой точки зрения ни умысел, ни даже неосторожность не играют определяющей роли. Задачей принципа добросовестности не является лишь наказание недобросовестного лица. Применение правовых последствий в силу применения принципа добросовестности не тождественно наказанию. Поэтому указание в ст. 10 ГК РФ не недопущение только лишь умышленного недобросовестного осуществления прав противоречит сущности принципа добросовестности. И терминология, определяющая злоупотребление правом только как умышленное недобросовестное поведение, не совсем укладывается в теорию и доктрину принципа добросовестности. С точки зрения доктрины принципа добросовестности злоупотреблением правом считается всякое недобросовестное поведение, т.е. такое, которое не соответствует принципу добросовестности. В литературе в связи с этим не зря отмечалось, что запрет злоупотребления правом не является достаточно обоснованным в теоретическом

и практическом аспектах и что целесообразной является его замена положением, закрепляющим требование соответствия поведения принципу добросовестности¹. Также предлагалась более удачная по сравнению с нынешней редакцией формулировка п. 1 ст. 10 ГК, а именно: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, противоречащие принципу добросовестности»². Идея предлагавшейся формулировки даже в лучшем варианте нашла отражение в п. 4 ст. 1 ГК РФ, согласно которой никто не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения. Но в п. 1 ст. 10 ГК в итоге была принята та редакция нормы, которую мы имеем сейчас.

Неудачную формулировку п. 1 ст. 10 ГК РФ из текста Кодекса не выкинешь. Поэтому надо четко понимать, что эта буквальная формулировка не соответствует принципу добросовестности и его системному пониманию. Отрадно, что в целом правильный подход к п. 1 ст. 10 ГК можно найти в судебной практике. Так, ВС РФ в определении от 3 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17 следующим образом подошел к пониманию злоупотребления права по ст. 10 ГК: *«Назначение субъективного права состоит в предоставлении уполномоченному субъекту... юридически гарантированной возможности удовлетворять потребности, не нарушая при этом интересов других лиц, общества и государства. Если субъективное право осуществляется в противоречии с назначением, происходит конфликт между интересами общества и конкретного лица. Злоупотребление правом, по смыслу статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, то есть осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки правовой норме, предоставляющей ему соответствующее право; не соотносит свое поведение с интересами общества и государства; не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность»*. Здесь, во-первых, дано верное понимание принципа добросовестности и добросовестного поведения как соответствие такого поведения целям правового регулирования. Отсюда и верный вывод, что злоупотребление правом есть осуществление субъективного права в противоречии с интересами общества и государства, т.е. в противоречии с целями правового регулирования. При таком подходе не остается места для обязательности умысла недобросовестного лица. Ничего не говорится об умысле и в упомянутом Определении ВС РФ. Не настаивает ВС РФ на необходимости наличия умысла при недобросовестности в случае применения п. 2 ст. 10 ГК РФ в Обзоре судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утв. Президиумом ВС РФ 19 июля 2017 г. Иначе говоря, можно сказать, что у ВС РФ присутствует

¹ Бекназар-Юзбашев Г.Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10–11.

² Там же. С. 11.

точка зрения, что злоупотребление правом трактуется в соответствии с п. 3, 4 ст. 1, а не с п. 1 ст. 10 ГК. В обобщенном виде такой подход ВС РФ содержится в постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Здесь ВС РФ связывает применение п. 2 ст. 10 ГК не с злоупотреблением правом, как это трактуется в п. 1 ст. 10 Кодекса, а просто с фактом недобросовестного поведения, которое понимается как не соответствующее такому поведению, которое ожидается от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Не давая в целом оценку упомянутому определению добросовестного/недобросовестного поведения, данному ВС РФ, следует отметить, что суд воздержался от указания на необходимость умысла для квалификации недобросовестного поведения, вследствие которого возможно применение нормы п. 2 ст. 10 ГК РФ.

3.2. Проблемы, возникающие в сфере дополняющей функции

Анализ подходов в российском праве применительно к п. 3 ст. 307 ГК РФ позволяет констатировать, что отсутствие системного подхода к рассмотрению правовых идей, заложенных в данной норме, приводит к значительным проблемам как в теории, так и в практике.

Правовые мысли, подчеркнутые в п. 3 ст. 307 ГК, имеют важнейшее значение для всего гражданско-правового оборота, опосредуемого обязательственными отношениями. При этом в большей степени имеется в виду не закрепление в этой статье обязанности действовать добросовестно, а указание на необходимость сторонам при установлении, исполнении и после прекращения обязательства учитывать права и законные интересы друг друга, взаимно оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства, предоставлять друг другу необходимую информацию. Однако содержание данной нормы будет иметь практическое значение, если правильно и четко понимать, что это за обязанности, откуда и на основании чего они возникают, каково их содержание. Такое правильное и четкое понимание должно было бы следовать из доктринального сопровождения принимаемых норм, тем более что сама формулировка п. 3 ст. 307 ГК РФ представляется не очень удачной. Недостаточно четкое понимание содержания нормы начинается с вопроса о том, являются обязанности учета прав и интересов, содействия достижению цели договора и предоставления информации самостоятельно позитивно закрепленными законодателем обязанностями или же они лишь представляют содержание, выражение принципа добросовестности. Анализ правовой литературы показывает, что распространенным подходом здесь является точка зрения, согласно которой данные обязанности в силу п. 3 ст. 307 ГК вытекают из принципа добросовестности,

закрепленного в этой же норме¹. Другие авторы обходят этот вопрос стороной, не высказываясь четко относительно правового основания таких обязанностей². Но есть и мнение, согласно которому обязанности учитывать права и интересы другой стороны, содействовать достижению цели обязательства, предоставлять информацию являются специфическим видом обязанностей, закрепленным в норме п. 3 ст. 307 ГК РФ³. При этом следует сказать, что дословная формулировка нормы п. 3 ст. 307 ГК не дает прямого однозначного ответа, исключающего тот или иной подход.

Сам по себе в правовой теории и в правоприменении вопрос о том, вытекают данные обязанности из принципа добросовестности или же они имеют собственную позитивную легитимацию в норме закона, как представляется, не должен иметь принципиального значения. Историческое и системное изучение принципа добросовестности дает понимание, что именно этот принцип и стал той правовой материей, из которого и вышли, были развиты, сформулированы данные обязанности. Несмотря на их самостоятельное правовое закрепление в отдельных национальных правовых порядках и в некоторых международных правовых унификационных документах, они существуют в системе координат правовой категории принципа добросовестности, в его системе, тесно с ним связаны⁴. Однако представляется, что для российского правового порядка ответ на вопрос, что является непосредственным правовым основанием таких обязанностей – принцип добросовестности или же прямая легитимация в п. 3 ст. 307 ГК РФ, имеет важное значение с точки зрения методологии раскрытия содержания этих обязанностей. Первый путь ведет непосредственно к принципу добросовестности, который сам в российской правовой науке на данном этапе является терра инкогнито, белым пятном, совершенно неизученной материей⁵. Согласно данному подходу можно дойти и до римского права с его правовой категорией *bonafides*, которая, как считается, и стала основной отправной точкой для формирования в правовой науке принципа добросовестности и, в частности, правового-

¹ См., например: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ / Под ред. А.Г. Карапетова. М.: Статут, 2017. С. 46; Карнушин В.Е. Теоретическое понятие гражданского правонарушения в свете новейших изменений гражданского законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 7 (СПС «КонсультантПлюс»); Булаевский Б.А. Презумпции в общих правилах об ответственности за нарушение обязательств // Lex Russica. 2017. № 5 (СПС «КонсультантПлюс»).

² Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств. М.: Статут, 2016. С. 19–20.

³ Лапченкова Е.А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права. М.: Статут, 2017. С. 179.

⁴ Нам К.В. История развития принципа добросовестности (*Treu und Glauben*) в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 6. С. 82–83.

⁵ Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 74–89.

го института дополнительных обязанностей¹. Поэтому этот путь поиска ответов является очень длинным и непомерно тяжелым. Так, в литературе уже предлагается ждать, когда судебная практика сформирует и определит содержание данных обязанностей, которые следует выводить из принципа добросовестности². Второй же путь позволяет напрямую использовать отдельные доктринальные наработки, касающиеся непосредственно этих обязанностей. Но подобных расхождений не было бы, если бы обязанности, упомянутые в п. 3 ст. 307 ГК, рассматривались в системе принципа добросовестности, а не отдельно от него либо без учета функционала принципа. Системный подход при рассмотрении дополнительных обязанностей приводит к пониманию, что, во-первых, данные обязанности являются частью материи принципа добросовестности, во-вторых, нет смысла ждать, когда судебная практика будет выводить их из принципа добросовестности и наполнять их предметным содержанием, надо использовать теоретические и практические наработки, чтобы «оживить».

Так, в частности, при неприменении такого подхода возникают вопросы с пониманием дополнительных обязанностей после прекращения обязательства. В литературе высказывалось мнение, что инициаторы новеллы «несколько перестарались, распространив соответствующие обязанности сторон на их отношения после прекращения обязательства, когда правовая связь между ними уже утрачена»³.

А ведь согласно доктрине обязанности учета прав и интересов после прекращения обязательства не являются фантомными, как их также называют⁴, и не возникают после утраты правовой связи между сторонами. Считается, что такие дополнительные обязанности возникают еще во время существования самого обязательства, но в силу своего содержания продолжают существовать и после исполнения основных обязанностей.

Цель нормы п. 3 ст. 307 ГК РФ об обязанности сторон учета прав и интересов друг друга после прекращения обязательства заключается в том, чтобы вследствие поведения одной стороны после окончания обязательства для другой стороны не возникли негативные последствия. О таких последующих дополнительных обязанностях может идти речь в тех случаях, когда одна из сторон уже после прекращения обязательства путем его исполнения должна осуществить определенные

¹ Нам К.В. История принципа добросовестности (Treu und Glauben) до принятия Германского гражданского уложения // Lex Russica. 2018. № 5. С. 99.

² Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ / Под ред. А.Г. Карапетова. С. 42–43.

³ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. С. 232.

⁴ Карапетов А.Г. Доклад на конференции Исследовательского центра частного права «Обязательственное право: классические вопросы и новые вызовы», состоявшейся 29 августа 2018 г. (не опубликован).

действия или воздержаться от определенных действий в пользу другой стороны с тем, чтобы полученные в результате исполнения обязательства блага не были потеряны или существенно уменьшены. Согласно такому подходу из уже исполненного договора могут вытекать обязанности сторон, направленные на сохранение той цели договора, которая преследовалась при его заключении и исполнении¹. Также последующие дополнительные обязанности могут наличествовать по окончании длительных отношений в силу необходимости учета прав и интересов другой стороны. Например, после окончания договора аренды арендодатель может быть обязан не снимать информационную вывеску с новым адресом бывшего арендатора или после окончания договора услуг заказчик обязан по запросу заинтересованных лиц выдавать правдивые сведения, характеризующие бывшего исполнителя услуг.

Когда говорят о последующих дополнительных обязанностях, речь не идет об обязанностях, возникших после прекращения обязательства. Данные обязанности возникли еще во время существования основного обязательства, но в силу их содержания либо продолжают действовать после окончания основного обязательства, либо стали актуальными, подлежащими исполнению только после основного обязательства². Например, арендатор в равной степени обязан бережно относиться к имуществу арендодателя как во время действия договора, так и после его окончания; продавец товара, находящегося на его участке, обязан заботливо относиться к нему как до его передачи покупателю, так и после формальной передачи, но до фактического его вывоза со склада.

Поскольку дополнительные обязанности возникают еще во время основного обязательства и в связи с ним, здесь можно говорить как бы о завершении основного обязательства в широком смысле, об «остатках» основного обязательства. Длительность «жизни» дополнительных обязанностей определяется исходя из конкретной ситуации с учетом прав и интересов сторон. Исходя из такого подхода не совсем обоснованным выглядит утверждение, что с окончанием обязательства правовая связь между сторонами утрачивается.

Другой проблемой несистемного подхода, имеющей большое практическое значение, является сложившийся в российском праве и вызывающий вопросы подход к преддоговорным отношениям и соответственно к преддоговорной ответственности.

В литературе и практике считается, что преддоговорные отношения и преддоговорная ответственность в ГК РФ закреплены в ст. 434.1. Именно данная статья, согласно господствующему мнению, является правовой основой для определения того, какие обязанности несут стороны на преддоговорной стадии и соответ-

¹ Нам К.В. Дополнительные обязанности сторон в обязательстве (п. 3 ст. 307 ГК РФ) // Хозяйство и право. 2018. № 12. С. 120–121.

² Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I: Allgemeiner Teil. § 10, S. 141–142.

ственно за нарушение каких обязанностей следует преддоговорная ответственность. Такими обязанностями называют только то, что перечислено в ст. 434.1 ГК, а именно нарушение добросовестности, внезапное неоправданное прерывание переговоров, вступление в переговоры без намерения заключить договор и непредоставление информации. В данном русле высказываются как комментаторы к ГК РФ¹, так и юридическая периодика². При определении регулирования преддоговорных отношений не идет дальше ст. 434.1 ГК и ВС РФ³. При рассмотрении новелл ГК в литературе указывалось, что для урегулирования отношений сторон, связанных с ведением переговоров о заключении договора, появилась новая ст. 434.1⁴.

Но ведь ведение переговоров есть не что иное, как одно из отношений, возникающее между сторонами в связи с установлением обязательства. А про обязанности при установлении обязательства прямо говорит п. 3 ст. 307 ГК РФ. При системном подходе с использованием соответствующей доктрины именно п. 3 ст. 307 ГК должен являться основой для определения содержания преддоговорных отношений, именно там заложена та правовая идея, которая проявляется в ст. 434.1 Кодекса. И историко-правовое изучение развития доктрины *culpa in contrahendo*, и сравнительно-правовой подход с рассмотрением ведущих в этом вопросе правопорядков, а также воспринявших соответствующие идеи международных унифицированных документов обосновывают преддоговорную ответственность именно через те обязанности сторон, которые в российском праве упомянуты в п. 3 ст. 307 ГК. Статья же 434.1 ГК РФ должна лишь развивать данный правовой подход. Да, возможно, законодатель не очень удачно сформулировал упомянутые нормы. Например, в немецком праве имеется основополагающая норма § 241 ГГУ о дополнительных обязанностях сторон, являющаяся аналогом и прообразом п. 3 ст. 307 ГК РФ. А в § 311 ГГУ, посвященном преддоговорной ответственности, просто указывается, что обязанности по § 241 ГГУ являются содержанием преддоговорного правоотношения. Если бы российский законодатель поступил схожим образом, возможно, основное правовое содержа-

¹ См., например: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ / Под ред. А.Г. Карапетова. С. 1004–1014; Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Ч. I / Под ред. Ю.Ф. Беспалова. М.: Проспект, 2017 (комментарий к ст. 434.1) (СПС «КонсультантПлюс»).

² См., например: Аюшеева И.З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex Russica. 2017. № 5 (СПС «КонсультантПлюс»); Толоаева Н.В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров // Судья. 2016. № 10 (СПС «КонсультантПлюс»).

³ Постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (п. 19).

⁴ Витрянский В.В. Указ. соч. С. 47.

ние преддоговорных отношений у нас бы и не выпало. Хотя и имеющиеся формулировки норм при системном подходе должны были бы обеспечить правильное обхождение с правовым инструментарием.

Но на данном этапе мало кто проводит параллель между п. 3 ст. 307 и ст. 434.1 ГК РФ. В одной из работ автор задается вопросами: на каком основании лицо обязано возместить убытки, возникшие у его контрагента на стадии переговоров о заключении договора? Почему правовое отношение между двумя лицами возникает еще до заключения договора?¹ В поисках ответов автор обращается к п. 2 ст. 307 ГК, где указываются основания для возникновения обязательств. Констатируя, что перечень, содержащийся в п. 2 ст. 307 ГК, является закрытым, автор не находит в этой статье оснований для преддоговорного обязательства. Но при этом п. 3 этой же ст. 307 ГК почему-то выпадает из поля зрения автора. Хотя именно там и сказано, что при установлении обязательства, т.е. в преддоговорной стадии, стороны несут определенные обязанности, т.е. между сторонами возникает обязательственное преддоговорное отношение.

Объективности ради следует сказать, что есть и работы, где проводится связь между п. 3 ст. 307 ГК РФ и преддоговорной ответственностью². Так, при рассмотрении вопросов, касающихся ответственности за недостоверность заверений по ст. 432.1 ГК, делается вывод, что такая ответственность «является частным случаем более общего понятия преддоговорной ответственности, обнимающего собой как ответственность за недостоверные заверения, так и ответственность за умолчание об обстоятельствах, о которых сторона переговоров должна была проинформировать контрагента исходя из принципа добросовестности, даже если он ее об этом не спрашивал». При этом автор содержание обязанности информирования определяет на основании п. 3 ст. 307 ГК РФ. В этой же работе высказывается важная мысль, имеющая большое значение для правильного, как представляется, подхода к преддоговорным отношениям, а именно о рассмотрении норм ст. 434.1 в системе нормы п. 3 ст. 307 ГК и в целом в системе и контексте принципа добросовестности. Так, совершенно правильно указывается, что преддоговорная ответственность в иностранных правовых порядках не локализуется исключительно в сфере урегулирования последствий конфликтов, вызванных спровоцированным стороной переговоров срывом переговорного процесса, не увенчавшегося по этой причине заключением договора. Подчеркивается, что это лишь частный случай сферы применения преддоговорной ответственности и получил распространение он в правовых порядках континентальной Европы уже после того, как была сформирована доктрина преддоговорной ответственности.

¹ Тололаева Н.В. Указ. соч.

² Рудоквас А.Д. Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // Вестник гражданского права. 2017. № 2 (СПС «КонсультантПлюс»).

Но, к сожалению, именно такие редкие частные случаи преддоговорной ответственности воспринимаются у нас в качестве основы и главного содержания для данного правового института. В итоге на научных конференциях¹ спикеры и участники сокрушаются, что принцип добросовестности очень общий и размытый, предоставление информации – это слишком частный случай, а внезапное прерывание переговоров и вступление в переговоры без намерения заключить договор вообще очень редки. В итоге делается вывод: нормами о преддоговорной ответственности практически нечего регулировать. Но редкие у нас случаи являются редкими и в европейских правовых порядках. Там существенную часть отношений для сферы преддоговорной ответственности составляют обязанности учитывать права и интересы сторон при установлении обязательства, которые у нас закреплены в п. 3 ст. 307 ГК РФ. В итоге основной областью применения преддоговорной ответственности являются повседневные, бытовые ситуации². Представляется, что таким же образом должна функционировать преддоговорная ответственность и в российском праве, а не касаться только редких ситуаций внезапного прерывания переговоров между коммерческими организациями. В литературе указывалось, что ст. 434.1 ГК должна действовать не только в отношениях между предпринимателями, но и с участием обычных граждан³. Но для этого необходим системный подход. В противном случае в российском гражданском праве теряется основная сфера применения столь важного и популярного в других правовых порядках и международных правовых документах правового института преддоговорной ответственности, развитого и в силу применения принципа добросовестности. Ведь тот или иной правовой институт реципируется в национальную правовую систему не просто из-за его популярности, а в силу его важности и полезности для национального права.

Несистемный подход к вопросам преддоговорной ответственности, а также игнорирование п. 3 ст. 307 ГК в качестве основы для понимания преддоговорных отношений не только повлекли исключение из действия данного правового института главного массива правоотношений, но и поставили на повестку дня проблему определения правовой природы преддоговорной ответственности и вытекающих из этого последствий.

К концу позапрошлого века в правовой науке, прежде всего в немецкой, сложилось однозначное мнение, основанное на учении о *culpa in contrahendo*, что фактическое вступление в переговоры по заключению договора, а также подго-

¹ См., в частности, видеозапись научно-практического стола по преддоговорной ответственности, проведенного Юридическим институтом М-Логос 23 мая 2018 г.: https://m-logos.ru/publications/nauchno-prakticheskuy_kruglyy_stol_preddogovornaya_otvetstvennost_za_nedobrosovestnoe_vedenie_peregovorov/.

² Нам К.В. Повседневная преддоговорная ответственность и договор с защитным эффектом в пользу третьего лица. Решение Верховного суда Германии от 28.01.1976 VIII ZR 246/77 // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 12. С. 35.

³ Тололаева Н.В. Указ. соч.

товительные и иные деловые контакты являются основанием для возникновения у сторон обязанностей по учету взаимных прав и интересов, имеющих значение в рамках таких предварительных контактов¹. Исходя из этого считается, что преддоговорные отношения порождают повышенную, в отличие от обычно требуемой, осмотрительность, которая и обосновывает наличие обязанности учитывать права и интересы другой стороны. Это суть преддоговорных отношений. Нарушение же такой обязанности представляет собой суть преддоговорной ответственности. Например, Петров, живущий в Москве, ведет переговоры с Сидоровым из Волгограда о продаже своей машины. Они договариваются об осмотре машины и о пробной поездке на определенный день. За несколько дней до оговоренной встречи Петров продает машину третьему лицу, но об этом Сидорова не извещает. В этом случае Петров обязан был своевременно известить Сидорова о продаже машины. И в результате неисполнения этой обязанности Петров обязан возместить Сидорову убытки, понесенные последним в связи с ненужной поездкой в Москву. Или, например, продавец дома, приглашая потенциального покупателя осмотреть дом, должен указать ему на скользкую или сломанную лестницу, ведущую в подвал, чтобы покупатель не упал и не травмировал себя.

Поскольку на преддоговорной стадии никаких основных обязанностей нет и не было, речь здесь должна идти, во-первых, об охранительных обязанностях, заключающихся в охране имущественной и неимущественной сферы соответствующего лица; во-вторых, об обязанностях лояльного поведения, состоящего в необходимости сообщения сторонами друг другу всех обстоятельств, имеющих существенное значение относительно будущего договора, для принятия решения о заключении или незаключении договора. Здесь в первую очередь идет речь об обязанности разъяснения имеющих важное значение обстоятельств и информирования об имеющих важное значение фактах. И охранительные обязанности в чистом виде, и обязанности лояльности входят в содержание обязанностей по учету прав и интересов другой стороны.

Именно данные правовые мысли заложены в п. 3 ст. 307 ГК РФ. Наличие так называемых дополнительных обязанностей у сторон на стадии установления обязательства, т.е. на преддоговорной стадии, образует обязательственную связь между сторонами, предметом которой и являются дополнительные обязанности. Поэтому нахождение правовых мыслей, выраженных в п. 3, в рамках ст. 307 ГК является совершенно обоснованным. В свою очередь, эти правовые мысли появились в нашем праве и основываются в силу историко-правового и сравнительно-правового подхода на аналогичных правовых идеях, в частности, немецкого права и международных правовых унифицированных документов.

В свете очевидной связи п. 3 ст. 307 и ст. 434.1 ГК РФ вызывает вопросы подход ВС РФ к определению правовой природы преддоговорной ответственности,

¹ Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I: Allgemeiner Teil. § 9, S. 106.

а именно о ее деликтном характере. В п. 19 постановления от 24 марта 2016 г. № 7 Пленум ВС РФ указал, что к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы гл. 59 ГК РФ с исключениями, установленными ст. 434.1 Кодекса. Следует отметить, что в свете данной позиции ВС РФ доктрина предпочитает во многом воздерживаться в этом вопросе. Так, в литературе не обосновывается мнение ВС РФ и не предлагается собственных подходов к правовой природе преддоговорной ответственности. Можно предположить, что в отсутствие необходимой релевантной доктрины и в силу несистемного подхода, а также учитывая неудачные формулировки ст. 434.1 ГК, в частности п. 8 данной статьи, ВС РФ исходил из того, что есть в тексте нормы, а именно из возможности применения деликтного регулирования к преддоговорным отношениям.

Следует предположить, что если бы ВС РФ рассматривал преддоговорную ответственность системно в рамках теории принципа добросовестности и в системе тех норм, которые имеются в российском ГК, то он должен был исходить из п. 3 ст. 307 Кодекса, в которой указывается на основное содержание преддоговорных отношений и соответственно на основную сферу применения договорной ответственности. Даже не глубокий доктринальный, а формальный подход должен был здесь привести к тому, что правовая природа преддоговорной ответственности должна была искаться в содержании преддоговорных отношений. Такое содержание определяется п. 3 ст. 307 ГК РФ как наличие обязанностей и соответственно обязательственной связи. И сама ст. 307 ГК именуется как «Понятие обязательства». Соответственно наличие обязательственной связи до момента факта правонарушения должно вызывать сомнения в определении правовой природы преддоговорной ответственности как деликтной. Также просто формальное обращение к обязанностям по п. 3 ст. 307 ГК РФ в свете позиции ВС РФ приводит к достаточно абсурдному выводу. Обязанности сторон учитывать права и интересы друг друга при установлении, при исполнении и при прекращении обязательства представляют собой по большому счету одни и те же обязанности. Если следовать логике ВС РФ, встает вопрос: возможно ли исходить из того, что правовая природа обязанностей по п. 3 ст. 307 ГК может быть разной? Нарушение обязанности учета прав и интересов при установлении обязательства влечет деликтную ответственность, нарушение этой же обязанности, но уже при исполнении обязательства влечет договорную ответственность. И, следуя этой логике, нарушение данной обязанности после прекращения обязательства должно снова являться деликтом.

Таким образом, позиция ВС РФ вызывает достаточно сомнений в ее обоснованности. При этом имеются основания говорить о наличии преддоговорных обязанностей, нарушение которых и является основанием для возникновения преддоговорной ответственности. С практической точки зрения отход от деликтного подхода имеет определенное значение. Здесь ряд важных правовых вопросов должен регулироваться иными нормами.

Если исходить не из деликтной природы преддоговорной ответственности, как об этом говорит ВС РФ, а из того, что преддоговорные отношения есть своеобразный вид обязательственных отношений и соответственно ответственность за их нарушение есть негативные последствия за нарушение обязательства, то и применению подлежат нормы из обязательственного права. Если нормы деликтного права более лояльны к нарушителю, то обязательственные, наоборот, к потерпевшему.

Более строгая ответственность, например, предусмотрена ст. 403 ГК РФ, согласно которой должник по обязательству отвечает за нарушение имеющейся обязанности не только, если фактически виноваты его работники (ст. 402 ГК), но и если имело место возложение исполнения на третье лицо. При деликтной же ответственности нарушитель отвечает только за себя и за нанятых им работников (ст. 1068 ГК). Также вопросы бремени доказывания в обязательственном отношении более лояльны к пострадавшей стороне, чем в случае деликта.

Если отойти от подхода, что преддоговорная ответственность есть деликт, а остановиться на точке зрения, согласно которой преддоговорные отношения представляют собой обязательственное отношение, хоть и состоящее не из основных обязанностей, а из дополнительных, то далее с практической точки зрения уже не так важно точное определение правовой природы. Идет ли речь о договорной природе, квазидоговорной или же об обязательстве *sui generis*? Все данные подходы лежат в обязательно-правовой области.

3.3. Проблемы, возникающие в сфере ограничительной функции

Большое количество вопросов в теории и практике вызывают появившиеся в результате реформы в российском ГК так называемые эстоппели. Как известно, «нашествие эстоппелей»¹ в ГК РФ было вызвано массовыми злоупотреблениями права в начальный период становления нового российского гражданского права. Разработчики нововведений в Кодекс, видимо, решили таким образом поставить преграду для злоупотреблений правом. Но, как это часто бывает в российском праве, решения принимались без достаточной научной проработки и при отсутствии системного правового подхода. Неудачные формулировки текста закона наряду с отсутствием релевантной доктрины привели к появлению большого числа вопросов при понимании сути эстоппелей, их целей, правового содержания, условий применения. Как следствие, это не лучшим образом отражается и на судебной практике.

В континентальной правовой системе учение о недопустимости противоречивого поведения, или доктрина *venire contra factum proprium*, как известно, получило признание и широкое применение в результате развития принципа добро-

¹ Карапетов А.Г. Эстоппель на оспаривание договора по п. 2 ст. 431.1 ГК РФ // https://zakon.ru/blog/2016/6/7/estoppel_na_osparivanie_dogovora_po_p2_st4311_gk.

совестности изначально в отдельных национальных правовых порядках, в первую очередь в немецком праве. Удачный опыт применения доктрины *venire contra factum proprium* в системе принципа добросовестности на национальном уровне отдельных государств привел к тому, что данные правовые идеи были восприняты как на международном уровне в различных унифицированных правовых документах, так и многими правовыми порядками стран, где ранее отсутствовали соответствующие правовые подходы. Важно подчеркнуть, что популярность и положительное правовое значение известного еще римскому праву правила «*venire contra factum proprium*» были приданы тем, что оно использовалось в рамках категории принципа добросовестности в качестве правового механизма для достижения тех целей, которые ставились правом в силу реализации принципа добросовестности, а именно в тех ситуациях, когда формальное использование субъективного права противоречило целям правового регулирования, когда буква закона расходилась с его духом. Иначе говоря, важно понимать, что ценность учения о запрете противоречивого поведения не в самом этом учении как таковом, а в том, что оно используется в рамках системы принципа добросовестности, точно так же как известные с давних времен доктрины *culpa in contrahendo* или *rebus sic stantibus* получили большое правовое значение именно в силу их использования при применении принципа добросовестности как средств для достижения целей этого принципа. Поэтому, чтобы правильно применять подобные правовые институты, необходимо рассматривать их в системе принципа добросовестности. Обращение с правилом о недопустимости противоречивого поведения вне системы принципа добросовестности с высокой вероятностью может привести к тому, что, во-первых, не будут достигнуты цели, которые ставил законодатель, во-вторых, будет нанесен вред таким основополагающим принципам гражданского права, как автономия воли сторон и свобода договора.

Недопустимость противоречивого поведения легитимируется через реализацию ограничительной функции принципа добросовестности, посредством которой право противостоит злоупотреблению субъективными правами, их недопустимому осуществлению. Принадлежащее лицу формальное субъективное право не может осуществляться им произвольно и безгранично. Вовлечение правообладателя в те или иные общественные отношения накладывает на него обязанность осуществления его прав таким образом, чтобы при этом учитывались права и интересы контактирующих с ним лиц¹. Если осуществление того или иного субъективного права формально соответствует имеющемуся законодательному регулированию, но при этом противоречит принципу добросовестности, то оно подлежит ограничению. Право с точки зрения признаваемых и поддерживаемых им в обществе ценностей при регулировании конкретного правоотношения исходит из того, что урегулировано он должно быть определенным обра-

¹ Esser J., Schmidt E. Op. cit. § 5, S. 45.

зом, должен быть достигнут определенный результат, соблюден разумный баланс интересов сторон и т.п. На практике бывают случаи, когда формальное следование правовым нормам не соответствует тем целям, которые право подразумеваемым образом преследовало при соответствующем правовом регулировании. В таких случаях осуществление субъективных прав должно быть ограничено до пределов их соответствия принципу добросовестности.

Данный подход является отправной точкой для определения оснований применения правила о недопустимости противоречивого поведения и пределов его применения. В российском праве этот подход выражается в первую очередь через п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения». Развитием правового подхода п. 3, 4 ст. 1 ГК является п. 2 ст. 10 Кодекса, согласно которому в случае нарушения принципа добросовестности/злоупотребления правом в защите принадлежащего лицу субъективного права может быть отказано. Иными словами, его формальное субъективное право фактически может быть ограничено. Представляется, что указанных норм при достаточной разработанности доктрины вполне хватило бы для применения правила о недопустимости противоречивого поведения и без «нашествия эстоппелей».

В литературе можно встретить разное понимание необходимости рассмотрения правила о недопустимости противоречивого поведения в рамках принципа добросовестности. В одних случаях, например, указывается, что нормы абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ имеют важное значение и направлены на реализацию принципа добросовестности и защиту добросовестной стороны¹. Признается, что запрет на противоречивое поведение, согласно континентально-европейской правовой традиции, обычно выводится из принципа добросовестности и что в российском праве она также должна толковаться только в контексте общего принципа добросовестности в соответствии с п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК². Но есть и противоположный подход, согласно которому предлагается «минимизировать использование принципа добросовестности, тем самым повышая предсказуемость правоприменения путем ограничения судебного усмотрения»³. Последний подход, к сожалению, де-факто является наиболее распространенным на

¹ Гражданское право: Учебник / Под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 263.

² Сделки. Представительство. Исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Г. Карапетова. М.: М-Логос, 2018. С. 404.

³ Саримсоков Ф.В. Подтверждение оспоримой сделки в зарубежном и российском праве // Сделки. Представительство. Исковая давность: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. М.: РШЧП, 2017. С. 137.

данном этапе. А «минимизация» использования принципа добросовестности проявляется уже в том, что «применение» принципа добросовестности ограничивается лишь формальным его упоминанием. При этом единственно значимым становится дословная формулировка норм об эстоппелях.

Формально как проявление принципа добросовестности в одном из разъяснений рассматривает правило о недопустимости противоречивого поведения и ВС РФ: «Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (пункт 2 статьи 10 ГК РФ), например... указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (пункт 5 статьи 166 ГК РФ)»¹. Как представляется, ВС РФ высказал здесь следующие верные сами по себе мысли: 1) необходимость установления недобросовестного поведения; 2) необходимость учета обстоятельств дела; 3) последствие – отказ полностью или частично в защите принадлежащего недобросовестному лицу субъективного права. Но при этом вызывает сомнения вывод ВС РФ о том, что п. 5 ст. 166 ГК РФ является иной мерой, обеспечивающей защиту интересов добросовестной стороны. Иначе говоря, ВС РФ посчитал, что правовое последствие, выраженное в п. 5 ст. 166 ГК как «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения», не является отказом в защите субъективного права недобросовестного лица, ограничением такого права. Верховный Суд РФ в другом своем акте² исходил из того, что под иным последствием согласно п. 5 ст. 166 ГК понимается придание ничтожной сделке юридической силы, так называемая конвалидация ничтожной сделки. Вслед за ВС РФ подход о конвалидации или исцелении, оздоровлении ничтожной сделки в силу п. 5 ст. 166 ГК нашел свое распространение и в юридической литературе³.

Однако представляется, что такой подход, основанный на «минимизации» применения принципа добросовестности, не соответствует пониманию его сути, содержания, его функций, в частности ограничительной функции, к сфере которой и относится правило о недопустимости противоречивого поведения.

Следует отметить, что в отношении понимания п. 5 ст. 166 ГК РФ как конвалидации недействительных сделок раздаются и критические замечания. Так, высказывалась точка зрения, что «ошибочность такого подхода не вызывает никаких

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (п. 1).

² Определение ВС РФ от 20 июля 2015 г. № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221/2013; Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, утв. Президиумом ВС РФ 20 декабря 2017 г.

³ См., например: Витоль Э.Ю. Природа ответственности cedenta (часть первая) // Вестник гражданского права. 2017. № 4 (СПС «КонсультантПлюс»).

сомнений в отношении большинства составов ничтожности, и особенно рельефно это выглядит на примере ничтожных незаконных сделок, посягающих на публичные интересы или интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ), или сделок, противоречащих основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ)»¹. Высказанное сомнение наглядно показывает неустойчивость и опасность конвалидационного подхода. Избрание неверного правового инструментария может привести к неисправимым побочным эффектам для правопорядка, притом что во многих случаях при таком подходе не достигалась бы главная цель данной нормы, а именно «корректировка» правового регулирования с целью защиты добросовестного лица. Так, указывалось, что применение п. 5 ст. 166 ГК РФ исходя из конвалидации недействительной сделки в случаях, когда одинаково недобросовестны обе стороны, в частности при незаконности сделки, являлось бы абсурдом и вступало бы в открытое противоречие с самим принципом добросовестности. В частности, оно приводило бы к тому, что недобросовестная сторона получала бы преимущество вопреки п. 4 ст. 1 ГК².

Другой правовой проблемой, связанной с отсутствием релевантной доктрины и несистемным подходом к правилу о недопустимости противоречивого поведения, является определение «заявления о недействительности сделки» по п. 5 ст. 166 ГК РФ в качестве процессуального действия³. Отправным пунктом для данного получившего широкое распространение подхода явилась формулировка нормы, а именно употребление слова «заявление». В сторону процессуального понимания слово «заявление» трактовал ВС РФ: «Сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (пункт 5 статьи 166 ГК РФ)»⁴. Иначе говоря, буквальное следование формулировке законодателя (как представляется, очень неудачной формулировке) привело к тому, что правоведы стали понимать слово «заявление» как процессуальное действие. В результате такого неверного подхода у его сторонников возникла коллизия между процессуальным правом и правом материальным. Суть данной коллизии в том, что ограничение прав недобросовестного лица происходит в процессуальной плоскости. В связи с этим возникает вопрос: а что же происходит в плоскости материально-правовой? Поскольку

¹ Сделки. Представительство. Исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Г. Карапетова. С. 409.

² Там же. С. 410.

³ См., например: Саримсоков Ф.В. Указ. соч. С. 130.

⁴ Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (п. 70).

нельзя оставлять неразрешенным конфликт процессуального и материального права, выход из конфликта многие видят в конвалидации ничтожной сделки.

Представляется и даже очевидно, что этой коллизии в принципе не возникло бы, как и не родилась бы на свет теория о конвалидации недействительной сделки по п. 5 ст. 166 ГК РФ, если бы норма п. 5 ст. 166 ГК рассматривалась в контексте, в системе принципа добросовестности. Системный же подход, основанный на п. 3, 4 ст. 1, п. 2 ст. 10 ГК, на раскрытии содержания этих норм в историко-правовом и сравнительно-правовом разрезах, позволяет сделать иной вывод. Правовая идея, лежащая в основе п. 5 ст. 166 ГК РФ, заключается в том, что недобросовестная сторона не может воспользоваться преимуществами для себя вследствие недействительности сделки, в первую очередь последствиями недействительности. Вопрос о конвалидации здесь не стоит. Ничтожная сделка остается таковой. Речь здесь о лишении правовой защиты субъективного права недобросовестной стороны или, другими словами, об ограничении ее субъективного права. И, естественно, такое ограничение субъективного права недобросовестной стороны лежит в материально-правовой плоскости. Именно такой подход, как представляется, следует из п. 3, 4 ст. 1, п. 2 ст. 10 ГК РФ и соответствует аналогичным подходам в других правовых системах, в том числе немецком, а также в международных унифицированных документах. И здесь нельзя не согласиться со звучавшим в литературе мнением, что п. 5 ст. 166 ГК вообще излишен, что можно было бы и нужно обходиться без данной нормы, что для конкретных ситуаций, требующих вмешательства, достаточно правового функционала, заложенного в ст. 1 и 10 ГК РФ¹.

Аналогичным образом принцип добросовестности должен действовать и в случае оспоримых сделок. Недобросовестное лицо также ограничивается в своем субъективном праве, это право не подлежит правовой защите. Только если при ничтожных сделках подлежат ограничению права, основанные на недействительности сделки, то при оспоримых сделках ограничивается право оспаривать сделку. Но в обоих случаях речь идет об ограничении права. Оспоримая сделка является действительной, и поэтому вопрос о конвалидации здесь не стоит. В этом плане юридическая задача при применении правила о недопустимости противоречивого поведения в оспоримых сделках является более легкой, чем при ничтожных сделках. В литературе в этой связи правильно подчеркивалось, что в случае с абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ речь идет об ограничении (погашении) права на оспаривание, аннулирование сделки². Но такой подход не всегда разделяется другими правоведами. Так, есть точка зрения, что здесь не следует отталкиваться от принципа добросовестности, а следует исходить из того, что лицо лишается права оспари-

¹ Сделки. Представительство. Исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Г. Карапетова. С. 414.

² Там же. С. 388.

вать сделку, так как оно ее ранее уже подтвердило¹. Такой подход представляется неверным в силу того, что сама по себе норма абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК призвана не решать вопросы с одобрением, подтверждением оспоримой сделки, а применять принцип добросовестности через правило о недопустимости противоречивого поведения при оспаривании сделок. Можно задаваться вопросом о правовой природе, о правовой квалификации поведения недобросовестного лица, но ключевым и основным здесь является не это, а преследование цели предотвращения недобросовестного поведения.

Другой важной проблемой, возникающей в российском праве в связи с применением правила о недопустимости противоречивого поведения, является то, что у нас ставится знак равенства между противоречивым поведением и недобросовестностью. Иначе говоря, формально противоречивое или непоследовательное поведение есть поведение недобросовестное. Подобное толкование следует из формального следования формулировкам норм ГК РФ (абз. 4 п. 2, п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5, 6 ст. 450.1). Буквальное следование неудачным формулировкам закона, отсутствие релевантной доктрины и несистемный подход к указанным правовым нормам приводят к тому, что судебная практика применяет их на основании одного лишь факта непоследовательности в действиях той или иной стороны правоотношения². Следуя заданному вектору, звучат уже предложения о формировании в праве «общего принципа – исполненная сделка исцеляется»³.

Такой подход представляется неверным и глубоко порочным, наносящим большой вред нашему правопорядку. Мало того, что, как правило, не достигается главная цель, а именно корректировка правового регулирования в случае факта недобросовестности той или иной стороны, но и наносится ущерб системообразующим началам гражданского права.

Как уже говорилось, все указанные нормы, так или иначе содержащие в себе правило о запрете недобросовестного поведения, не представляют собой самостоятельные правовые идеи и закрепляющие их правовые конструкции. Данные нормы следует рассматривать как средства реализации принципа добросовестности в отдельных случаях. Принцип добросовестности (п. 3, 4 ст. 1, п. 2 ст. 10 ГК РФ) посредством правила о недопустимости противоречивого поведения призван вмешиваться в конкретных ситуациях с учетом всех обстоятельств, только если будет установлено, что формально правомерное поведение идет вразрез с целями правового регулирования и при этом наносится существенный ущерб правам и интересам другой стороны. Само по себе противоречивое, непоследовательное пове-

¹ Саримсоков Ф.В. Указ. соч. С. 137, 150.

² См., например, определения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 8 августа 2017 г. № 80-КГ17-5, от 1 августа 2017 г. № 24-КГ17-17, от 18 июля 2017 г. № 18-КГ17-83.

³ Подобное предложение звучало в Фейсбуке на странице «Журнала РШЧП». См.: https://www.facebook.com/hashtag/%D0%B1%D1%8B%D1%82%D1%8C%D0%BB%D1%83%D1%87%D1%88%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%83?source=feed_text&__tn__=*NK-R.

дение правом не может и не должно запрещаться. Такое поведение как таковое не следует считать недобросовестным, недопустимым. Правопорядок в силу принципа автономии воли должен допускать противоречивое поведение. Любое лицо вправе менять свое мнение относительно правового положения вещей, в том числе ссылаться на ничтожность своего волеизъявления или оспаривать заключенный им договор. В противном случае необоснованно нарушался бы один из важнейших правовых принципов, согласно которому лицо вправе осуществлять свои права по своему усмотрению. Также при этом теряли бы свое значение институты ничтожных и оспоримых сделок, институт срока исковой давности.

Противоречивое поведение – это лишь одно из необходимых условий для установления факта недобросовестности. Тот, кто своим поведением вызвал обоснованное доверие другой стороны, должен учитывать такое положение вещей. Если другая сторона доверилась первоначальному поведению первого лица, то оно обязано учитывать права и интересы другой стороны. В конкретных ситуациях защита доверия, учет прав и интересов другой стороны могут перевешивать и нуждаться в большей защите, чем субъективное право первого лица. Противоречивое поведение может быть признано недобросовестным лишь тогда, когда предъявление основанного на нем требования может повлечь для другой стороны значительные негативные последствия. Еще значительно осторожнее должно быть право в случае с ничтожными сделками. Если закон рассматривает те или иные сделки как ничтожные, значит, законодатель посчитал соблюдение требований закона в таких случаях важным не только для охраны прав и интересов отдельных лиц, но и для обеспечения правопорядка в целом. В силу этого сохранение прав и обязанностей из ничтожного договора может допускаться только как крайнее исключение и лишь в случаях, когда для этого имеются очень серьезные причины. К тяжести возможных негативных последствий в этом случае должны предъявляться еще более строгие требования.

Для изучения, исследования, лучшего понимания того, при каких условиях должно работать правило о недопустимости противоречивого поведения, как представляется, лучше обращаться не к практике ВС РФ, а, например, к решениям Верховного суда Германии. Так, в одном из дел¹ Верховный суд Германии указал, что одного лишь поведения истца, длительное время не предъявлявшего иск и, более того, добровольно исполнявшего незаконные условия договора, недостаточно для того, чтобы признать последующее предъявление требования недопустимым и лишенным правовой защиты на основе доктрины *Verwirkung*², явля-

¹ Нам К.В. Дело о позднем предъявлении требования о возврате излишне уплаченного гонора. Решение Верховного суда Германии и комментарий к нему // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4. С. 41–49.

² Для применения доктрины *Verwirkung* необходимо наличие особых, исключительных обстоятельств, которые делали бы предъявление требования после длительного периода добровольного исполнения незаконных условий договора не просто неожиданным, но и наносящим ответчику недопустимый вред.

ящейся в немецком праве одной из разновидностей доктрины недопустимости противоречивого поведения. В противном случае теряли бы свое значение законодательно установленные сроки исковой давности. В данном деле суд посчитал, что поведение истца, свидетельствующее о его согласии с выставленными ответчиком счетами на оплату своего вознаграждения, и истечение значительно времени после оплаты этих счетов давали ответчику полагаться на такое поведение истца и исходить из того, что он не будет предъявлять требования о возврате уплаченного вознаграждения. Однако суд посчитал, что при этом отсутствовали специальные, исключительные обстоятельства, при которых позднее и неожиданное для ответчика предъявление требования могло бы повлечь для него недопустимый вред. В частности, не доказано, что изменение позиции истца, вдруг осознавшего, что он осуществлял оплату на основании незаконных условий договора, причинило ответчику существенный ущерб. Данное решение наглядно показывает, что принцип добросовестности с его правилом недопустимости противоречивого поведения должен вмешиваться в правоотношения сторон не тогда, когда имеет место одно лишь противоречивое поведение, а в тех случаях, если такое непоследовательное поведение приводит к существенному ущербу правам и интересам другой стороны, доверившейся первоначальному положению дел.

Таким образом, толкование российских эстоппелей в системе принципа добросовестности должно приводить к тому, что применяться они могут, только если того требует этот самый принцип добросовестности. Ограничения принципов автономии воли или свободы договора, правил о ничтожных и оспоримых сделках и т.д., о сроках исковой давности должны производиться на основании принципа добросовестности в редких случаях, если такие ограничения являются обоснованными. И, как видно, такой подход в принципе не допускает формирования общего правила, согласно которому исполненная ничтожная сделка должна считаться исцеленной.

3.4. Проблемы, возникающие в сфере корректирующей функции

Как уже говорилось, принцип добросовестности через свою корректирующую функцию может, в частности, вмешиваться в правоотношение сторон, если в силу изменения внешних обстоятельств сохранение прав и обязанностей в неизменном виде является с точки зрения права недопустимым. Основанием для вмешательства принципа добросовестности является неприемлемость для той или иной стороны исполнения обязательства в неизменном виде или же неприемлемость вообще дальнейшего сохранения обязательства. Понятие неприемлемости вытекает из принципа добросовестности и тесно связано все с тем же посылом о необходимости учета прав и интересов другой стороны. Первоначально предусмотренное договором обязательство стороны может стать для нее в силу изменения внешних обстоятельств неприемлемым. Требование исполнения обязательства должником в таком случае противоречит принципу добросовестности.

Формальное следование условиям обязательства, в условиях, когда оно является для должника неприемлемым, противоречит целям, подразумеваемым правом при регулировании этого правоотношения. В случае с доктриной существенного изменения обстоятельств неприемлемость с точки зрения права состоит, в частности, в том, что заключенная стороной сделка может через какое-то время в силу внешних обстоятельств оказаться для нее совсем не тем, из чего она исходила при заключении сделки. Важным является то, что стороны при заключении договора исходили из наличия или длительной продолжительности наличия определенных обстоятельств, которые по намерению сторон оправдывали заключение и исполнение договора. При этом предполагается, что стороны рассматривали такие обстоятельства как само собой разумеющееся положение дел¹. Существенное изменение обстоятельств должно приниматься тогда, когда с помощью толкования волеизъявления сторон можно прийти к выводу, что если изменение обстоятельств стороны могли предвидеть до заключения договора, то договор бы заключен не был или был бы заключен на иных условиях. Соответственно оставление стороны договора в подобной неприемлемой для нее ситуации не должно допускаться правом. В таких случаях в силу принципа добросовестности должно делаться исключение из другого принципа – принципа «*pacta sunt servanda*». Иначе говоря, такое вмешательство в правоотношение сторон есть исключение из общего правила неизменности договорного обязательства. Это соответствует сути принципа добросовестности, заключающейся в том, что в необходимых ситуациях следует делать исключения из действия позитивных норм, когда в конкретной ситуации требуется приведение буквы закона к его духу.

Названные отправные пункты после Первой мировой войны дали жизнь и развитие известному еще с римских времен правилу «*rebus sic stantibus*». Это так называемая оговорка о неизменных обстоятельствах, дающая стороне договора основание для одностороннего расторжения договора в случае серьезного изменения обстоятельств, которые обуславливали заключение договора. *Rebus sic stantibus*, так же как и *venire contra factum proprium* или *culpa in contrahendo*, стало востребовано в праве в силу применения принципа добросовестности. И ценность этих правил на настоящем этапе правового развития заключается именно в том, что они являются инструментарием, правовыми механизмами для реализации принципа добросовестности. Отсюда следует, что и рассмотрение этих правил должно производиться в контексте, в системе принципа добросовестности. Лишь таким образом данные правовые институты смогут эффективно работать, и право получит от них то, ради чего они и включались в наш правопорядок. Включение этих правовых конструкций во многие национальные порядки, в том числе в российский, было осуществлено потому, что они стали эффективно использоваться в системе принципа добросовестности, а не пото-

¹ Looschelders D. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 14. Aufl. Vahlen, 2016. Rn. 750.

му, что законодатель вспомнил про давние и даже древние правовые теоретические конструкции.

Так, ст. 451 ГК РФ появилась в Кодексе еще в 1994 г. под влиянием новейшей тогда европейской кодификации Нидерландов. В свою очередь, ГК Нидерландов, будучи традиционно построен на французском подходе к гражданско-правовым кодификациям, ранее не признавал принцип добросовестности так широко, как это происходило в других странах, в первую очередь в Германии. Но успешное развитие и применение принципа добросовестности и на его основании правила «*rebus sic stantibus*» стало причиной изменения подходов голландского права и, как следствие, привело к включению данной конструкции в национальный Кодекс. Но в Нидерландах помимо этого был введен в Кодекс и сам принцип добросовестности. И еще, что даже важнее, подготовка Кодекса велась основательно, десятилетиями и сопровождалась необходимыми доктринальными правовыми исследованиями, не в последнюю очередь сравнительно-правовыми.

В российском же ГК ст. 451 была переписана без одновременного включения в Кодекс принципа добросовестности. Подобная ситуация объективно приводила к тому, что данная норма не рассматривалась в системе принципа добросовестности, не рассматривалась в качестве его проявления¹. К сожалению, положение не сильно изменилось и после включения в ГК РФ принципа добросовестности как общего принципа гражданского права. Так, в работе, специально посвященной теме изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, автор анализирует подходы правового регулирования исследуемых вопросов в различных странах². Совершенно верно указывается, что доктрина существенного изменения обстоятельств основана в других странах, например в Германии, на принципе добросовестности. Но аналогичного вывода применительно к российскому праву в исследовании не содержится. Однако в другой работе этого же автора, правда, без упоминания принципа добросовестности, высказываются, как представляется, верные мысли, раскрывающие сущность и цель правила ст. 451 ГК РФ: «Институт существенного изменения обстоятельств, как в российском праве, так и в праве большинства правовых систем европейской континентальной правовой системы, направлен не на преодоление или устранение каких-либо препятствий, а на сохранение выгоды сделки, поддержание договорного равновесия и баланса интересов сторон договора и обеспечение возможности достижения сторонами социально-экономической цели сделки. В условиях существенного изменения обстоятельств (т.е. в отсутствие объективных и непреодолимых препятствий) исполнение договорных обязательств так или иначе возможно, но приведет к колоссальным издержкам или убыткам

¹ См., например: Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. М.: Статут, 2010.

² Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М.: Статут, 2017.

одной или обеих сторон, лишая их того, на что они рассчитывали при заключении договора»¹. Здесь со ссылкой на европейские континентальные правовые порядки и применительно к российскому праву раскрывается цель, предназначение правила ст. 451 ГК. И данный подход отражает внутреннюю взаимосвязь правила о существенном изменении обстоятельств и принципа добросовестности.

Но не всегда в литературе в достаточной мере осознается такая внутренняя взаимосвязь. В одной из работ авторами, с одной стороны, хотя и формально, но декларируется, что ст. 451 ГК РФ есть проявление в гражданском праве принципа добросовестности. Но, с другой стороны, тут же говорится о необходимости их обособления друг от друга². Обособление вместо системного толкования приводит авторов, как будет показано ниже, к спорным выводам.

Рассмотрение ст. 451 ГК вне системной связи с принципом добросовестности приводит к тому, что данная норма не рассматривается как проявление принципа добросовестности, как его часть. Ответы ищутся в тексте самой нормы и в прежних устоявшихся правовых подходах, в первую очередь таких, как *pacta sunt servanda*. Ситуация в целом соответствует 20-м гг. прошлого века, когда в советской юридической литературе ставился вопрос о признании за должником права одностороннего отказа от исполнения обязательства, сделавшегося вследствие изменившихся обстоятельств обременительным³. И как тогда, так и сейчас принцип нерушимости договора видится неприкосновенной священной коровой. «Когда лес рубят, щепки летят. Кто-нибудь должен терпеть от неисполнения обязательств. Пускай терпит тот, кто обязан. Тогда по крайней мере будет сохранено основное правило гражданского правового порядка «*pacta sunt servanda*»»⁴.

Видимо, такой же логики в настоящее время придерживаются судебная практика и распространенные подходы в юридической литературе.

Судебная практика в течение всего существования ст. 451 ГК РФ последовательно занималась тем, что обосновывала невозможность ее применения к тем или иным ситуациям. В результате образовался целый массив решений и подходов судебных инстанций к тем или иным обстоятельствам, при которых ст. 451 ГК неприменима. Приведем здесь только некоторые из них:

– инфляционные процессы не относятся к числу обстоятельств, возникновение которых нельзя предвидеть. Стороны, вступая в договорные отношения,

¹ Очаев Т.Г. К вопросу о некоторых проблемах отечественного института существенного изменения обстоятельств и перспективах оптимизации позитивного регулирования // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 8 (СПС «КонсультантПлюс»).

² Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 58.

³ Зейц А.Г. Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров (*clausula rebus sic stantibus*) // Вестник гражданского права. 2013. № 5 (СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Я.А. Канторович. Цит. по: Там же.

должны были прогнозировать экономическую ситуацию, в связи с чем не могли исключать вероятность роста цен в период исполнения сделки (постановление Президиума ВАС РФ от 13 апреля 2010 г. № 1074/10 по делу № А40-90259/08-28-767);

– если финансовые обязательства должника определены в иностранной валюте и не изменялись по соглашению сторон, то размер обязательства в течение действия договора остается прежним. Финансовый кризис является объективным обстоятельством, в условиях кризиса оказываются все хозяйствующие субъекты (постановление Президиума ВАС РФ от 7 августа 2001 г. № 4876/01);

– рост эксплуатационных расходов на содержание жилищного фонда нельзя рассматривать в качестве существенного изменения обстоятельств, которое стороны по договору о передаче объектов на баланс общества не могли разумно предвидеть (постановление Президиума ВАС РФ от 4 марта 1997 г. № 1654/96);

– увеличение выраженных в рублях платежей должника по кредитному договору из-за повышения курса валюты долга само по себе не свидетельствует о том, что изменилось соотношение имущественных интересов сторон, установленное договором. В связи с этим изменение курса иностранной валюты по отношению к рублю нельзя расценивать как существенное изменение обстоятельств, которое является основанием для изменения договора в соответствии со ст. 451 ГК РФ (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16 февраля 2017 г.).

Из приведенных позиций судебной практики видно, что основной критерий, положенный в основание для неприменения ст. 451 ГК, состоит в том, что то или иное обстоятельство могло быть предвидимо сторонами при заключении сделки. Раз финансовые кризисы уже случались ранее, то всякий здравый человек понимает, что кризис может случиться снова. То, что курс валют не является фиксированным и неизменяющимся, как это ранее было в советские времена, знает каждый разумный человек. То, что внешние издержки могут вырасти, – это тоже не секрет, не может считаться непредвидимым обстоятельством. Примерно такая логика, основанная лишь на критерии предвидимости, прочно укоренилась в судебной практике. Другие, куда более важные отправные точки правового института существенного изменения обстоятельств во внимание не принимаются. Следуя подобной логике, любое из указанных обстоятельств как таковое может быть предвидимо и поэтому нет оснований для применения ст. 451 ГК. Этим и объясняется, что данная статья практически не применяется и является по сути мертвой нормой. К сожалению, подобный подход находит широкое отражение и в юридической литературе. Так, в одной из работ, посвященной ст. 451 ГК, авторы указывают, что значительное снижение курса рубля не отвечает критерию непредвидимости, закрепленному в данной норме¹. В качестве

¹ Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Указ. соч. С. 58.

обоснования приводится аргументация, заключающаяся в том, что за менее чем 20-летний период в России наблюдаются существенные колебания курса рубля и любой предприниматель, переживший финансовый кризис и кратное удорожание американского доллара по отношению к рублю либо слышавший об этом, не может не знать, что курсы валют могут изменяться скачкообразно. Находит поддержку подобный подход и в другой работе: «...следует поддержать сложившуюся в российской судебной практике тенденцию крайне осторожного применения ст. 451 ГК РФ по искам предпринимателей в ситуации, когда они пытаются положить в основу своего иска экономические проблемы, финансовые кризисы, инфляцию или девальвацию рубля и тому подобные изменения экономических условий»¹.

Обоснован ли такой подход? Представляется, что нет. Следование лишь одному критерию предвидимости есть тупиковый путь. «Предвидеть» можно практически все, даже то, что метеорит упадет, так как они периодически падают, или же что инопланетяне прилетят и поработят землю – об этом много написано в фантастических книгах. Подобные примеры, конечно, абсурдны, но они показывают, что сам по себе критерий предвидимости не может класться в основу нормы ст. 451 ГК РФ. Ведь предвидеть, в смысле знать, что такое есть, бывает или об этом писали в книжках, можно практически все. Но это не означает, что сторона исходя из такого «предвидения» согласилась бы на заключение договора с такими «предвидимыми» условиями (например, увеличение аренды в разы, притом что она зарабатывает значительно меньше) или платить по кредиту вследствие кратного изменения валютного курса значительно больше, чем составляет ее ежемесячный доход. Знать о возможных изменениях обстоятельств – не означает, что сторона заранее соглашается на кабальные условия, лишенные для нее вообще всякого экономического, жизненного и прочего смысла. Речь о том, что предвидимые риски должны укладываться в допустимые «размеры» волеизъявления на заключение сделки. Например, сторона допускает, что цена может колебаться из-за валютных курсов в каких-то пределах, которые укладываются в приемлемые для нее рамки. И исходя из допустимых для нее пределов изменений она соглашается заключить сделку. Лицо, находясь в здравом уме и доброй памяти, не будет заключать сделку, которая не просто не выгодна, а ставит крест на всем его существовании. Правовой смысл ст. 451 ГК РФ явно заключается не в том, чтобы заставить сторону исполнять такую неприемлемую для нее сделку. В литературе верно отмечалось, что вывод о возможности и предсказуемости существенного изменения обстоятельств не является точным толкованием нормы подп. 1 п. 2 ст. 451 ГК, что в ней указывается совсем на другое, а именно на предположение (независимо от того, выражено оно прямо в договоре или под-

¹ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 ГК РФ / Под ред. А.Г. Карапетова. С. 1098.

разумеается), согласно которому стороны, заключая договор, исходят из того, что сохраняются существующие условия либо их изменения будут несущественными¹. В этой же статье автор, как представляется, верно критикует распространенные в судебной практике и литературе подходы о том, что то или иное событие само по себе не может считаться существенно изменившимся обстоятельством. «Весьма существенным аспектом скачкообразного изменения валютного курса является резкая трансформация структуры рынка, возникновение внезапного относительного и абсолютного разрыва (диспропорций) между ценами на аналогичные товары в зависимости от получения их по импорту либо приобретения на внутреннем рынке, тогда как при постепенном изменении курса участники рынка могут приспособиться к рыночным пропорциям. Кроме того, для некоторых видов бизнеса падение национальной валюты создает, как хорошо известно, благоприятные условия. Таким образом, не может быть одинаковым для любого договора и для любых сторон экономического и юридического эффекта от скачков валютного курса»².

Иначе говоря, следование лишь формальному критерию предвидимости не раскрывает сути и потенциала нормы ст. 451 ГК РФ, приводит в итоге к тому, что данное очень полезное правило, основанное на принципе добросовестности, фактически исключено из правоприменения. Как уже отмечалось, правило о существенном изменении обстоятельств есть проявление принципа добросовестности. В его контексте и нужно рассматривать ст. 451 ГК. Без наполнения этой нормы содержанием через принцип добросовестности работать она не будет, что и показывает сейчас судебная практика. Вне системы принципа добросовестности правило ст. 451 ГК «не заиграет». Принцип нерушимости договорных обязательств очень важен для оборота, он, собственно, обеспечивает его функционирование. Но целью гражданского оборота является не только то, чтобы договоры исполнялись любой ценой, но и то, чтобы стороны договора достигали того, на что рассчитывали. Изменение обстоятельств может привести не только к существенному затруднению исполнения должником своих обязательств, когда удовлетворение требования кредитора является неприемлемым для должника, но и к чрезвычайно большому дисбалансу интересов сторон, что также может лежать за рамками риска пострадавшей стороны и являться неприемлемым и несправедливым с точки зрения права. Должник в таких случаях может исполнить лежащие на нем обязательства, но с очень большими затратами, возможно, даже граничащими с разорением. При этом для двусторонних договоров может теряться всякое соответствие между исполнением и встречным исполнением. При таких

¹ Склоцкий К.И. Проблемы применения нормы ст. 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 7 (СПС «Консультант-Плюс»).

² Там же.

условиях всякий здоровый оборот подрывается в корне¹. Принцип добросовестности через правило о существенном изменении обстоятельств выполняет определенную корректирующую функцию, направленную на обеспечение экономического равенства сторон и тем самым на более безупречное функционирование оборота. Несправедливость, возникшая вследствие непредвиденного существенного изменения обстоятельств, является основанием для признания договора недействительным. Однако когда такая несправедливость может привести к тяжелым последствиям для одной из сторон, не затрагивая или даже улучшая экономическое положение другой стороны, суд должен вмешаться в их отношения². Именно в этом заключается цель принципа добросовестности, которая должна достигаться посредством применения норм ст. 451 ГК РФ.

В немецкой литературе подчеркивалось, что поскольку в настоящий исторический период времени технические и экономические изменения не имеют такого значения, как это было ранее во времена растущей индустриализации и гиперинфляции, то в большей степени на практике применение правила о существенном изменении обстоятельств связано с изменениями рыночных условий. Так, например, если при заключении долгосрочного договора поставки продавец исходил из определенной себестоимости изготовления товара с учетом нормальных инфляционных и ценовых колебаний и на этом основании строил свою производственную и экономическую модель, то существенное изменение рыночной конъюнктуры в силу различных причин может признаваться существенным изменением или даже отпадением основания сделки³. Именно такой подход, если внимательно присмотреться, находит отражение и в российском праве. Так, п. 6 ст. 709 ГК РФ содержит следующее правило: «При существенном возрастании стоимости материалов и оборудования, предоставленных подрядчиком, а также оказываемых ему третьими лицами услуг, которые нельзя было предусмотреть при заключении договора, подрядчик имеет право требовать увеличения установленной цены, а при отказе заказчика выполнить это требование – расторжения договора в соответствии со статьей 451 настоящего Кодекса». Здесь говорится, что вследствие существенного изменения рыночной конъюнктуры, а именно увеличения стоимости товаров и услуг, подлежит применению правило ст. 451 ГК РФ. При этом о критерии предвидимости, как он понимается судебной практикой, речи здесь не идет. Очевидно, что существенное изменение цены товаров и услуг происходило, происходит и будет происходить. И об этом не может не знать подрядчик. Но это не означает, что ст. 451 ГК не должна применяться. Речь здесь о том, что подрядчик при заключении договора, может,

¹ Зейц А.Г. Указ. соч.

² Скловский К.И. Указ. соч.

³ Hermann H. Vertragsanpassung – Ein Problem des Freiheitsschutzes nach Vertragsschluß // Jura. 1988. S. 505.

и осознавал, что такое существенное изменение цены в принципе возможно, но исходил из того, что оно не произойдет, иначе бы договор он не заключил. Правило, аналогичное п. 6 ст. 709 ГК, содержится также в п. 2 ст. 959 Кодекса.

Изложенное показывает, что нормы ст. 451 ГК РФ не являются самостоятельным правовым институтом. Цель, смысл данных норм раскрывается через принцип добросовестности. Правило о существенном изменении обстоятельств является проявлением принципа добросовестности, выступает в качестве его инструментария. Обособленное от принципа добросовестности рассмотрение доктрины *rebus sic stantibus* приводит, как было показано, к неверным результатам. Данная доктрина была включена в правовой оборот и получила развитие вследствие использования ее принципом добросовестности. Поэтому изучение упомянутой доктрины, в том числе ее римских корней, отдельно от названного принципа не имеет смысла. Отрадно, что подтверждение этому можно встретить как в ранней советской, так и в современной литературе. В одной из советских работ 20-х гг. прошлого века проводилось исследование различных теоретических подходов, обосновывающих и раскрывающих доктрину *rebus sic stantibus*. Рассматривались в том числе периоды римского права, средних веков. Особенно тщательно анализировались подходы немецких правоведов. В результате автор пришел к выводу, что единственной «лишенной недостатков» теорией, обосновывающей доктрину *rebus sic stantibus*, является принцип добросовестности¹. Вывод о том, что принцип добросовестности является важным отправным моментом при рассмотрении доктрины существенного изменения обстоятельств, можно встретить и в одной из работ современного автора, также исследующего эту доктрину в ракурсе различных исторических периодов².

К сожалению, на настоящий момент понимание необходимости рассмотрения ст. 451 ГК РФ в контексте и системе принципа добросовестности не находит отклика в судебной практике и не является распространенным в юридической литературе.

4. Выводы

Таким образом, российское право, следуя современным правовым тенденциям, восприняло не только сам принцип добросовестности, но и многие правовые институты, на нем основанные. Однако одного лишь формального закрепления соответствующих норм в тексте закона явно недостаточно, тем более что сами формулировки норм зачастую оказываются не совсем удачными. Для раскрытия потен-

¹ Зейц А.Г. Указ. соч.

² Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 108–109.

циала данных правил, получивших свое развитие в зарубежных правовопорядках, для их правильного понимания и применения необходима релевантная доктринальная проработка, основанная не в последнюю очередь на сравнительно-правовом анализе. Именно таким образом удастся раскрыть суть, содержание и систему принципа добросовестности и основанных на нем правил. Нормы и правила, основанные на принципе добросовестности, продолжают оставаться его частью и должны рассматриваться в его контексте и его системе. В противном случае теряется содержание соответствующей нормы, не достигается ее цель.

References

Ayusheeva I.Z. Preddogovornaya otvetstvennost': novelly grazhdanskogo zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki [Pre-Contractual Liability: Innovations of the Civil Legislation and Judicial Practice] (in Russian) // Lex Russica. 2017. No. 5.

Beknazar-Yuzbashev G.T. Zloupotreblenie pravom i printsip dobroj sovesti v grazhdanskom prave Rossii i Germanii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Abuse of Law and the Principle of Good Faith in Civil Law of Russia and Germany: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences] (in Russian). Moscow, 2010.

Bevzenko R.S., Egorov A.V. Adaptatsiya dogovora k izmenivshimsya obstoyatel'stvam i dobrosovestnost' storon [Adaptation of the Contract to the Changed Circumstances and the Good Faith of the Parties] // O dogovorakh: Sbornik statej k yubileyu V.V. Vitryanskogo [On Contracts: Collection of Articles for the Anniversary of V.V. Vitryansky] (in Russian). Moscow, 2017.

Brox H. Allgemeines Schuldrecht. 25. Aufl. C.H. Beck, 1998.

Bulaevsky B.A. Prezumptsii v obshchikh pravilakh ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv [Presumptions in General Rules on Liability for Breach of Obligations] (in Russian) // Lex Russica. 2017. No. 5.

Canaris C.-W. Verstöße gegen das verfassungsrechtliche Übermaßverbot im Recht der Geschäftsfähigkeit und im Schadensersatzrecht // JZ. 1987.

Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307–453 GK RF [Law of Contracts and Obligations (General Part): Article-for-Article Commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation] (in Russian) / Ed. by A.G. Karapetov. Moscow, 2017.

Dozhdev D.V. Izmenenie i rastorzhenie dogovora vsledstvie sushchestvennogo izmeneniya obstoyatel'stv: evropejskaya pravovaya traditsiya i sovremennye tendentsii [Change and Termination of the Contract Due to a Significant Change in Circumstances: The European Legal Tradition and Current Trends] (in Russian) // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13(1).

Egorova M.A. Odnostoronnij otkaz ot ispolneniya grazhdansko-pravovogo dogovora [Unilateral Refusal to Execute a Civil Contract] (in Russian). Moscow, 2010.

Esser J., Schmidt E. Schuldrecht. Bd. I: Allgemeiner Teil. 5. Aufl. C.F. Müller, 1975.
Gernhuber J. § 242 BGB – Funktionen und Tatbestände // JuS. 1983.

Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federatsii. Podrobnij postatejnij kommentarij s putevoditelem po zakonodatel'stvu i sudebnoj praktike. Ch. I [Civil Code of the Russian Federation. Detailed Article-for-Article Commentary with the Guidebook on Legislation and Judicial Practice. Part I] (in Russian) / Ed. by Yu.F. Bepalov. Moscow, 2017.

Grazhdanskoe pravo: Uchebnik [Civil Law: Textbook] (in Russian) / Ed. by B.M. Gongalo. 2nd ed. Moscow, 2017.

Hermann H. Vertragsanpassung – Ein Problem des Freiheitsschutzes nach Vertragsschluß // Jura. 1988.

Karapetov A.G. Estoppel' na osparivanie dogovora po p. 2 st. 431.1 GK RF [Estoppel to Challenge the Contract Under Paragraph 2 of Article 431.1 of the Civil Code of the Russian Federation] (in Russian) // https://zakon.ru/blog/2016/6/7/estoppel_na_osparivanie_dogovora_po_p2_st4311_gk.

Karnushin V.E. Teoreticheskoe ponyatie grazhdanskogo pravonarusheniya v svete novjshikh izmenenij grazhdanskogo zakonodatel'stva [The Theoretical Concept of a Civil Offense in the Light of Recent Changes in Civil Legislation] (in Russian) // Arbitration and Civil Procedure. 2017. No. 7.

Larenz K. Geschäftsgrundlage und Vertragserfüllung. Die Bedeutung «veränderter Umstände» im Zivilrecht. 3. Aufl. C.H. Beck, 1963.

Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I: Allgemeiner Teil. 14. Aufl. C.H. Beck, 1987.

Looschelders D. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 14. Aufl. Vahlen, 2016.

Looschelders D., Olzen D. in: J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Buch 2: Recht der Schuldverhältnisse. Einleitung zum Schuldrecht § 241–243. Sellier – de Gruyter, 2015.

Medicus D. Schuldrecht I: Allgemeiner Teil. 12. Aufl. C.H. Beck, 2000.

Nam K.V. Delo o pozdnem pred'yavlenii trebovaniya o vozvrate izlishne uplachenogo gonorara. Reshenie Verkhovnogo suda Germanii i kommentarij k nemu [The Case of the Late Submission of a Claim for the Return of an Overpaid Fee. The Decision of the Supreme Court of Germany and the Commentary on It] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 4.

Nam K.V. Dopolnitel'nye obyazannosti storon v obyazatel'stve (p. 3 st. 307 GK RF) [Additional Obligations of the Parties to the Obligation (Paragraph 3 of Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation)] (in Russian) // Economy and Law. 2018. No. 12.

Nam K.V. Istoriya printsipa dobrosovestnosti (Treu und Glauben) do prinyatiya Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya [The History of the Principle of Good Faith (Treu und Glauben) Before the Adoption of the German Civil Code] (in Russian) // Lex Russica. 2018. No. 5.

Nam K.V. Istoriya razvitiya printsipa dobrosovestnosti (Treu und Glauben) v period s 1900 po 1945 g. [The History of the Development of the Principle of Good Faith (Treu und Glauben) in the Period from 1900 to 1945] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 6.

Nam K.V. Povsednevnyaya preddogovornaya otvetstvennost' i dogovor s zashchitnym ehffektom v pol'zu tret'ego litsa. Reshenie Verkhovnogo suda Germanii ot 28.01.1976 VIII ZR 246/77 [Daily Pre-Contractual Liability and Contract with a Protective Effect in Favor of a Third Party. The Decision of the Supreme Court of Germany from 28 January 1976 VIII ZR 246/77] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 12.

Nam K.V. Printsip dobrosovestnosti: nekotorye problemy razvitiya doktriny [The Principle of Good Faith: Some Problems of the Doctrine's Development] (in Russian) // Civil Law Review. 2017. No. 6.

Nam K.V. Razvitie printsipa dobrosovestnosti (Treu und Glauben). Sovremennyy etap. Vnutrennyaya sistematika [The Development of the Principle of Good Faith (Treu und Glauben). Modern Stage. Internal Systematics] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 7.

Ochkhaev T.G. Izmenenie i rastorzhenie dogovora v svyazi s sushchestvennym izmeneniem obstoyatel'stv [Change and Termination of the Contract Due to a Significant Change in Circumstances] (in Russian). Moscow, 2017.

Ochkhaev T.G. K voprosu o nekotorykh problemakh otechestvennogo instituta sushchestvennogo izmeneniya obstoyatel'stv i perspektivakh optimizatsii pozitivnogo regulirovaniya [On Some Problems of the Domestic Institution of a Significant Change in Circumstances and Prospects for Optimizing Positive Regulation] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 8.

Papchenkova E.A. Vozvrat ispolnennogo po rastorgnutomu narushennomu dogovoru: sravnitel'nyy analiz rossijskogo i nemeckogo prava [Return of the Executed Under the Terminated Breached Contract: A Comparative Analysis of Russian and German Law] (in Russian). Moscow, 2017.

Rudokvas A.D. Nekotorye problemy primeneniya st. 431.2 GK RF v svyazi s printsipom dobrosovestnosti [Some Problems of Application of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation Due to the Principle of Good Faith] (in Russian) // Civil Law Review. 2017. No. 2.

Sarbash S.V. Elementarnaya dogmatika obyazatel'stv [Elementary Dogmatism of Commitment] (in Russian). Moscow, 2016.

Sarimsov F.V. Podtverzhdenie osporimoy sdelki v zarubezhnom i rossijskom prave [Confirmation of a Contestable Transaction in Foreign and Russian Law] (in Russian) // Sdelki. Predstavitel'stvo. Iskovaya davnost': Sbornik rabot vypusnikov Rossijskoj shkoly chastnogo prava pri Issledovatel'skom tsentre chastnogo prava im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF [Transactions. Agency. Limitation of Actions: Collection of Works of Graduates of the Russian School of Private Law at the Research

Center for Private Law named after S.S. Alekseev at the President of the Russian Federation]. Moscow, 2017.

Sdelki. Predstavitel'stvo. Iskovaya davnost': postatejnyj kommentarij k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii [Transactions. Agency. Limitation of Actions: Article-for-Article Commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation] (in Russian) / Ed. by A.G. Karapetov. Moscow, 2018.

Seitz A.G. Vliyanie izmenivshikhsya obstoyatel'stv na silu dogovorov (clausula rebus sic stantibus) [Influence of Changed Circumstances on the Power of Treaties (*Clausula Rebus Sic Stantibus*)] (in Russian) // Civil Law Review. 2013. No. 5.

Sklovsky K.I. Problemy primeneniya normy st. 451 GK RF: valyutnaya ogovorka i balans interesov storon dogovora [Problems of Application of Norms of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation: Currency Clause and Balance of Interests of the Parties to the Contract] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 7.

Teichmann A. in: Soergel Kommentar zum BGB. Bd. 2/1. Schuldrecht I/1 (§ 241–432). 11. Aufl. Kohlhammer, 1986.

Tololaeva N.V. Otvetstvennost' za nedobrosovestnoe vedenie peregovorov [Responsibility for Unfair Negotiation] (in Russian) // Judge. 2016. No. 10.

Vitol E.Yu. Priroda otvetstvennosti tsedenta (chast' pervaya) [The Nature of Liability of Assignor (first part)] (in Russian) // Civil Law Review. 2017. No. 4.

Vitryansky V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [Reform of Russian Civil Law: Interim Results] (in Russian). Moscow, 2017.

Wieacker F. Zur rechtstheoretischen Präzisierung des § 242 BGB. Mohr Siebeck, 1956.

Information about the author

Nam K.V. (Moscow) – Ph.D. in Law, LL.M., Partner in Law Firm Lex Consilium (117246, Moscow, Nauchnyj Pr., 14, Bldg. 1; e-mail: 6964889@gmail.com).